

A movie poster for 'The Exorcist' featuring a stormy night with lightning striking a house. The title 'СТИВЕН КИНГ' is written in large, yellow, jagged letters at the top. The background is a dark, stormy sky with multiple lightning bolts striking a house on a hill. The house has a chimney and a porch, and its windows are lit from within. The overall mood is dark and ominous.

СТИВЕН КИНГ

Возрождение

Annotation

Поразительная история рок-музыканта Джейми Мортонa и его то ли спасителя и друга, то ли «злого гения» Чарлза Джейкобса – священника, порвавшего с церковью и открывшего секрет «тайного электричества», исцеляющего и одновременно разрушающего людей.

Новый увлекательный роман Мастера о загадочном и сверхъестественном?

Попытка приоткрыть дверь в мир «за гранью бытия»?

Или будоражащая душу притча о жизни и смерти в лучших традициях Эдгара По и Рэя Брэдбери?

Каждый читатель даст свой ответ на эти вопросы...

Стивен Кинг

Возрождение

Stephen King
REVIVAL

Печатается с разрешения автора и литературных агентств The Lotts Agency и Andrew Nurnberg Associates.

© Stephen King, 2014

© Перевод. В.В. Антонов, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

Эта книга посвящается тем, кому я во многом обязан своим видением мира:

Мэри Шелли

Брэму Стокеру

Говарду Филлипсу Лавкрафту

Кларку Эштону Смиту

Дональду Уондрею

Фрицу Лейберу

Августу Дерлету

Ширли Джексон

Роберту Блоху

Питеру Страубу

И Артуру Мейчену, чья повесть «Великий бог Пан» не дает мне покоя всю жизнь.

Мертвец покой и сон не обретет,

Ведь смерть конец, однажды тоже ждет.

Говард Филлипс Лавкрафт

I. «Пятый персонаж». Череп-гора. Мирное озеро

Наша жизнь, по меньшей мере в одном, похожа на кино. Главные роли в нем играют родственники и друзья. Роли второго плана исполняют соседи, коллеги по работе, учителя и просто знакомые. Есть и те, кто занят в эпизодах: молодая кассирша с приятной улыбкой из соседнего супермаркета, приветливый бармен в местной забегаловке, ребята, с которыми тренируешься в тренажерном зале три раза в неделю. И тысячи статистов – тех, кто входит в нашу жизнь, но не задерживается в ней и, мелькнув лишь раз, бесследно утекает, словно вода сквозь решето. Подросток, листаящий комиксы в книжном магазине «Барнс энд Ноубл», мимо которого пришлось протиснуться (пробурчав извинения), чтобы добраться до полок с журналами. Женщина за рулем машины в соседнем ряду, которая, остановившись на светофоре, пользуется моментом, чтобы подкрасить губы. Мать, вытирающая перепачканного мороженым малыша в придорожной закусочной, куда ты заглянул. Торговец, продавший тебе пакетик арахиса на бейсбольном матче.

Но иногда в нашей жизни появляется человек, который не вписывается ни в одну из этих категорий. Он возникает неожиданно-негаданно, причем нередко в самый сложный момент. В кино такого героя называют «пятым персонажем», или агентом перемен. Но кто пишет сценарий нашей жизни? Провидение или случай? Мне хочется верить, что случай. Мне хочется этого всей душой. Я не могу смириться с мыслью, что присутствие в моей жизни Чарлза Джейкобса – моего «пятого персонажа», причины всех перемен и несчастий – каким-то образом связано с судьбой. Это означало бы, что всем произошедшим страшным событиям – этим *ужасам* – было суждено случиться. А если так, то никакого света не существует, и наша вера в него лишь наивный самообман. И тогда все мы живем в темноте, точно забившиеся в нору животные или муравьи, укрывшиеся в глубине муравейника.

Причем живем не одни.

На свой шестой день рождения я получил в подарок от Клэр целую армию игрушечных солдатиков и 6 октября 1962 года готовился к крупной битве.

Я вырос в многодетной семье. У меня было три брата и одна сестра, и я, как младший в семье, всегда получал много подарков. Самые лучшие дарила Клэр. Не знаю, связано ли это с тем, что она была старшей, или с тем, что была единственной девочкой. А может, с тем и другим одновременно. Но из всех замечательных подарков, что я получал от нее на протяжении многих лет, та армия была, безусловно, самым потрясающим. В нее входило двести зеленых пластмассовых солдатиков: одни с винтовками, другие с пулеметами, а с десяток были намертво приклеены к похожим на трубки штукам – минометам, по словам Клэр. Кроме того, в наборе имелось восемь грузовиков и двенадцать джипов. Но особенно круто смотрелся картонный бокс, куда все это было сложено, весь в камуфляжных зелено-коричневых разводах, с надписью «Собственность армии США» на крышке. «Командир Джейми Мортон» – значилось чуть ниже: эту надпись Клэр добавила сама.

Джейми Муртоном звали меня.

– Я увидела рекламу на обложке одного из комиксов Терри, – сказала сестра, дождавшись, когда я закончу верещать от восторга. – Он не давал мне ее вырезать, потому что он бука...

– Точно, – подтвердил Терри. Ему было восемь. – Я злой старший брат!

Он сложил большие пальцы вилкой и сунул себе в ноздри.

– Перестаньте! – вмешалась мама. – Никаких перебранок в день рождения, пожалуйста.

Спасибо. Терри, вынь пальцы из носа.

– Но все равно, – продолжила Клэр, – я скопировала купон и отослала по почте. Боялась, что не успеют вовремя доставить, но все сложилось. Я рада, что тебе нравится. – Она поцеловала меня в висок. Она всегда целовала меня в висок. Даже по прошествии долгих лет я отлично помню эти нежные поцелуи.

– Я их обожаю! – заверил я, прижимая ящик к груди. – И буду обожать вечно!

Это было после завтрака, состоявшего из блинов с черникой и бекона – моего любимого блюда. На дни рождения мы всегда получали свои любимые блюда, а подарки вручались после завтрака на кухне, где стояли дровяная печь, длинный стол и громоздкая стиральная машина, которая постоянно ломалась.

– «Вечно» для Джейми – это примерно пять дней, – заметил Кон.

В свои десять лет он был худым (хотя впоследствии поправился) и уже тогда проявлял склонность к науке.

– Тонко подмечено, Конрад, – вступил в разговор отец. Он был одет в чистый рабочий комбинезон с надписью «РИЧАРД», вышитой золотом на левом нагрудном кармане, и «МОРТОН ФЬЮЭЛ ОЙЛ» – на правом. – Я впечатлен.

– Спасибо, пап.

– Благодаря своему красноречию ты заслужил право помочь матери вымыть посуду после завтрака.

– Но сейчас очередь Энди!

– *Была* очередь Энди, – поправил отец, поливая сиропом последний блин. – Бери полотенце, юморист, и постарайся ничего не разбить.

– Ты бессовестно его балуешь, – отозвался Кон, но полотенце все-таки взял.

Вообще-то Конни был отчасти прав относительно моего представления о вечности. Через пять дней настольная игра «Операция», подарок Энди, собирала пыль под кроватью (в ней все равно не хватало некоторых частей тела, и Энди приобрел ее за четвертак на распродаже подержанных вещей). Такая же участь постигла и подаренные Терри пазлы. Сам Кон вручил мне стереоскоп, который протянул чуть дольше, но в конце концов тоже оказался в шкафу, где и остался лежать.

От родителей я получил одежду, потому что день рождения у меня в конце августа, и в тот год я должен был идти в первый класс. Новые брюки и рубашки представляли для меня такой же интерес, как телевизионная тест-таблица, но я постарался горячо поблагодарить мать и отца. Думаю, в искренность моей благодарности они не поверили – в шесть лет не так-то легко притворяться... хотя, к сожалению, подобный навык большинство из нас приобретает довольно быстро. Как бы то ни было, одежда была выстирана в нашей громоздкой машине, высушена на бельевой веревке во дворе и, наконец, сложена в ящики моего комода. Вряд ли имеет смысл добавлять, что об этих вещах никто не вспоминал до самого сентября, когда пришло время их надеть. Помню, что там был клевый свитер – коричневый в желтую полоску. Когда я его носил, то воображал себя суперменом по имени Человек-Оса: берегитесь, злодеи, моего жала!

Но относительно бокса с солдатиками Кон ошибся. Я играл в них дни напролет, как правило, на краю двора, где пролежала полоска земли между нашей лужайкой и Методист-

роуд, которая в те дни была грунтовой и мало чем отличалась от этой полоски. За исключением шоссе номер 9 и узкой двухполосной дороги, ведущей к Козьей горе, где располагался курорт для богатых, все остальные дороги в Харлоу были грунтовыми. Помню, что пыль, скапливавшаяся в доме в сухие летние дни, не раз доводила мать до слез.

В солдатиков со мной часто играли два моих лучших друга, Билли Пэкетт и Эл Ноулз, но в день, когда в моей жизни появился Чарлз Джейкобс, я был один. Я не помню, почему отсутствовали Билли и Эл, но помню, что радовался, оказавшись в кои-то веки в одиночестве. С одной стороны, отпадала необходимость делить войско на три части. С другой стороны – что гораздо важнее, – не нужно было спорить, чья очередь побеждать. По правде говоря, мне вообще казалось несправедливым, что я должен кому-то проигрывать, ведь это были *мои* солдатика и *мой* бокс.

Когда в один из жарких дней уходящего лета, вскоре после дня рождения, я поделился этой мыслью с матерью, она взяла меня за плечи и заглянула в глаза – верный признак того, что мне предстояло получить очередной Урок Жизни.

– «Мой» и «мое» – причина очень многих бед в этом мире, Джейми. Когда ты играешь с друзьями, солдатика принадлежат вам всем.

– Даже если мы сражаемся на разных сторонах?

– Даже в этом случае. Когда Билли и Эл отправляются домой ужинать, а ты убираешь солдатиков в коробку...

– Это бокс!

– Хорошо, бокс. Когда ты их убираешь, они снова становятся твоими. Люди часто причиняют друг другу зло, и ты столкнешься с этим, когда подрастешь, но я считаю, что все дурные поступки вызваны самым обычным эгоизмом. Обещай мне, что никогда не станешь эгоистом, малыш.

Я пообещал, но мне все равно не нравилось, когда победу одерживали Билли и Эл.

В тот октябрьский день 1962 года, когда судьба мира висела на волоске из-за небольшого, подобного кляксе на карте, тропического островка под названием Куба, я сражался за обе стороны и не мог проиграть ни при каком раскладе. Незадолго до этого по Методист-роуд прошелся городской грейдер (отец всегда ворчал, что он только разбрасывает камни), и вокруг было полно земли. Я наскреб достаточно, чтобы сделать сначала маленький холмик, потом холмик побольше, а затем и *очень* большой холм, доходивший мне почти до колен. Сперва я хотел назвать его Козьей горой, но потом передумал, посчитав название неоригинальным (в конце концов, настоящая Козья гора находилась всего в двенадцати милях) и неинтересным. Поразмыслив, я решил назвать его Череп-горой. Я даже попытался сделать пару пещер-глазниц, ткнув пальцем в соответствующие места, но земля была сухой и тут же осыпалась.

– Что ж, ладно, – сказал я, обращаясь к лежавшим в боксе солдатикам. – Мир устроен непросто, и нельзя иметь все. – Это было одним из любимых выражений отца, и не сомневаюсь, что при наличии пятерых детей у него имелись все основания так считать. – Пещеры у нас будут понарошку.

Половину солдатиков я расположил на вершине Череп-горы, и они являли собой внушительное зрелище. Особенно мне нравилось, как там смотрелись минометчики. Это были фрицы. Американские солдаты разместились у подножия. Им достались все джипы и грузовики, поскольку езда вверх по склону предстояла захватывающая. Я не сомневался, что

одни машины опрокинутся, но другим наверняка удастся добраться до вершины. И раздавить минометчиков, которые будут напрасно молить о пощаде. Им ее не видать.

– Пленных не брать, – сказал я, пристраивая последних героев-американцев. – Гицмер, тебе конец!

Я начал двигать шеренги солдат вперед, сопровождая маневр звуками пулеметных очередей, когда на поле битвы упала тень. Я поднял глаза и увидел мужчину. Он загоразивал солнце, и его силуэт обрамляли золотые лучи – прямо человеческое затмение.

В тот момент, как и обычно по субботам во второй половине дня, в нашем доме кипела жизнь. Энди с Коном и компанией друзей играли позади дома в дворовый бейсбол, с громкими криками и смехом. Клэр у себя в комнате с парой *своих* подруг крутила на проигрывателе пластинки: «The Loco-Motion», «Soldier Boy», «Palisades Park». Из гаража доносился стук – это Терри с отцом трудились над старым фордом 1951 года выпуска, который отец называл «Дорожной ракетой». Однажды я слышал, как он обозвал его «куском дерьма»; это выражение мне понравилось, и я до сих пор его использую. Если хотите поднять себе настроение, назовите что-нибудь «куском дерьма». Как правило, это срабатывает.

В общем, вокруг происходило много чего, но в тот момент мне показалось, будто все замерло. Я знаю, что это лишь игра воображения, которая объясняется сбоем в памяти (не говоря уже о сонме темных ассоциаций), но это воспоминание очень яркое. Неожиданно стихли крики ребят на заднем дворе, песни в комнате наверху, стук в гараже. Даже птицы вдруг замолчали.

Затем мужчина наклонился, и заходящее солнце, выглянув из-за его плеча, ослепило меня. Я прикрыл глаза рукой.

– Извини, извини, – произнес он и чуть подвинулся, чтобы солнце не мешало мне его рассмотреть. На нем был черный пиджак священника и черная рубашка с английским воротником, джинсы и стоптанные легкие кожаные туфли. Как будто он хотел быть одновременно двумя разными людьми. В шестилетнем возрасте я делил взрослых на три категории: молодые взрослые, взрослые и старики. Этот человек относился к молодым взрослым. Он наклонился, чтобы разглядеть сражающиеся армии.

– Вы кто? – спросил я.

– Чарлз Джейкобс.

Имя показалось мне знакомым. Он протянул руку, и я тут же пожал ее, потому что уже в шесть лет был вежливым. Мы все были вежливыми – родители об этом позаботились.

– А почему у вас воротник с дыркой?

– Потому что я священник. Теперь, приходя по воскресеньям в церковь, ты будешь встречать меня там. И вечером по четвергам, если станешь посещать собрания БММ.

– Раньше нашим священником был мистер Латур, – сказал я, – но он умер.

– Я знаю. Мне очень жаль.

– Ничего страшного. Мама сказала, что ему не было больно, и он отправился сразу на небо. Правда, он не носил такой воротник.

– Потому что Билл Латур был проповедником без духовного сана. Вроде волонтера. Благодаря ему двери церкви оставались открытыми, когда других служителей не было. Очень похвальное поведение.

– Мне кажется, папа знает о вас, – сказал я. – Он один из дьяконов. И собирает пожертвования. Правда, делает это по очереди с другими дьяконами.

– Делиться – это очень хорошо, – сказал Джейкобс и опустился на колени рядом со мной.

– Вы собираетесь молиться? – Эта мысль меня встревожила. Для молитв имелась церковь и собрания БММ – Братства методистской молодежи, – которые мои братья и сестра называли четверговой вечерней школой. Когда мистер Джейкобс возобновит эти собрания, я пойду на них в первый раз, как и в школу. – Если хотите поговорить с папой, то он в гараже с Терри. Они ставят новое сцепление на «Дорожную ракету». Вернее, это делает папа, а Терри подает ему инструменты и учится. Ему восемь лет. А мне – шесть. А мама, наверное, на заднем крыльце, смотрит, как ребята играют в дворовый бейсбол.

– Когда я был маленьким, мы называли эту игру «бита-перевертыш», – сказал Джейкобс и улыбнулся. У него была хорошая улыбка, и он мне сразу понравился.

– Правда?

– Ну да. Потому что, поймав мяч, надо было ударить им по бите. Как тебя зовут, малыш?

– Джейми Мортон. Мне шесть лет.

– Ты уже говорил.

– На нашем дворе еще никто не молился.

– Я тоже не собираюсь этого делать. Я хочу посмотреть поближе твои войска. Где тут русские, а где американцы?

– Ну, внизу, само собой, американцы, а на Череп-горе – фрицы. Американцам надо захватить гору.

– Потому что она не дает им продолжить наступление, – понимающе кивнул Джейкобс. – А за Череп-горой лежит дорога в Германию.

– Точно! И там самый главный фриц! Гицмер!

– Источник столько бед, – сказал он.

– Что?

– Не важно. Ты не против, если я буду называть плохих парней немцами? «Фрицы» звучит как-то не очень.

– Нет, это здорово. Фрицы – это немцы, а немцы – это фрицы. Мой папа был на войне. Правда, только в последний год. Он чинил грузовики в Техасе. А вы были на войне, мистер Джейкобс?

– Нет, я тогда был слишком маленьким. И для Кореи тоже. А как американцы собираются взять гору, генерал Мортон?

– Штурмом! – закричал я. – Стреляя из пулеметов! Бабах! Бух-бух-бух! – И, понизив голос, добавил: – Така-така-така!

– Лобовая атака противника, закрепившегося на горе, – довольно рискованное предприятие, генерал. На твоём месте я бы разделил войска... примерно так... – Джейкобс расположил половину американцев слева, а половину – справа. – Это позволяет взять противника в клещи, понимаешь? – Он соединил большой и указательный пальцы. – И атаковать с двух сторон.

– Может быть, – согласился я. Мне нравилась идея лобовой атаки – много крови и рукопашная, – но и предложение мистера Джейкобса пришлось по душе. Военная хитрость. И коварство могло принести плоды. – Я хотел сделать пещеры, но земля слишком сухая.

– Понятно. – Он ткнул пальцем в Череп-гору и убедился, что земля осыпается. Поднялся, отряхнул джинсы. – У меня есть маленький сын, который через год-другой наверняка будет без ума от твоих солдатиков.

– Он может в них поиграть уже сейчас. – Я старался не быть эгоистом. – А где он?

– Пока еще в Бостоне со своей мамой. Там надо собрать много вещей. Думаю, что они приедут в среду. Самое позднее, в четверг. Но Морри еще слишком мал для солдатиков. Сейчас он их только разбрасывает.

– А сколько ему?

– Всего два годика.

– Могу поспорить, что он до сих пор писает в штаны! – закричал я и залился смехом. Возможно, это было не очень-то вежливо, но я не мог удержаться. Когда дети писают в штаны – это очень смешно.

– Так и есть, так и есть, – согласился Джейкобс, улыбаясь, – но я уверен, что он перестанет, когда подрастет. Говоришь, твой папа в гараже?

– Да. – Теперь я вспомнил, где слышал имя этого человека. Мама с папой говорили за ужином о новом священнике, который приезжает из Бостона.

Разве он не слишком молод для пастора? – спросила мама.

Да, и на его жалованье это точно скажется, – ответил отец и усмехнулся.

Кажется, они поговорили о нем еще немного, но я уже не слушал и переключился на Энди, который, даваясь, жадно заглатывал картофельное пюре. Он всегда так делал.

– Попробуй обходной маневр, – посоветовал Джейкобс на прощание.

– Что?

– Клещи, – пояснил он, снова сложив в кольцо большой и указательный пальцы.

– А-а. Да. Ладно.

Я попробовал, и это сработало. Все фрицы погибли. Однако битва получалась не такой впечатляющей, поэтому я предпринял лобовую атаку, и грузовики с джипами скатывались вниз, не в силах преодолеть крутой склон Череп-горы, а фрицы падали как подкошенные, перед смертью отчаянно крича.

Пока разыгрывалось сражение, родители и мистер Джейкобс сидели на крыльце, пили чай со льдом и обсуждали всякие церковные дела: помимо того, что мой отец был дьяконом, мама состояла в женской группе помощи и даже была заместителем ее руководительницы. Какие красивые шляпки она тогда носила! Их было не меньше дюжины. Мы были счастливы в те дни.

Мама позвала братьев и сестру с их друзьями, чтобы познакомиться с новым священником. Я тоже было направился к ним, но мистер Джейкобс остановил меня, махнув рукой, и объяснил маме, что мы уже познакомились.

– Продолжай сражение, генерал! – крикнул он.

Я так и сделал. Кон и Энди с друзьями вернулись на задний двор и продолжили игру. Клэр с подругами отправились наверх танцевать (хотя мама и попросила ее сделать музыку потише – пожалуйста, спасибо). Беседа мистера и миссис Мортон с преподобным Джейкобсом завершилась не скоро. Помню, как часто меня удивляло, что взрослые могут так долго болтать. Неужели им не скучно?

Я перестал обращать на них внимание и полностью переключился на сражение возле Череп-горы, которое разыграл несколько раз. Самым удачным вариантом оказался тот, что включал предложенные мистером Джейкобсом клещи. Одна часть американских войск удерживала немцев с фронта, а другая обходила гору и обрушивалась на них с тыла. *Ваз из это?* – успел крикнуть один из фрицев, прежде чем пуля угодила ему в голову.

Я уже начал уставать и подумывал, не отправиться ли домой за кусочком пирога (если,

конечно, после друзей Кона и Энди что-то осталось), когда на поле битвы снова упала тень. Я поднял глаза и увидел мистера Джейкобса со стаканом воды.

– Я одолжил его у твоей мамы. Можно показать тебе кое-что?

– Конечно.

Он снова опустился на колени и вылил воду на вершину Череп-горы.

– Это гроза! – закричал я и изобразил раскаты грома.

– Ага, если хочешь. С молниями. А теперь смотри. – Он растопырил два пальца и ткнул ими в мокрую землю. На этот раз отверстия остались.

– Вот так! – сказал Джейкобс. – Пещеры. – Он взял двух немецких солдатиков и поместил их внутрь. – Их будет трудно оттуда выбить, генерал, но я уверен, что американцы с этим справятся.

– Здорово! Спасибо!

– А если земля снова начнет осыпаться, полей еще водой.

– Хорошо.

– А когда закончишь сражение, не забудь вернуть стакан обратно на кухню. Мне бы не хотелось вызвать недовольство твоей мамы в первый же день своего пребывания в Харлоу.

Я пообещал и протянул руку:

– Давайте его сюда, мистер Джейкобс.

Он засмеялся и послушался, а потом направился по Методист-роуд в сторону дома, предоставленного общиной, в котором ему с семьей предстояло прожить следующие три года, до увольнения. Я проводил его взглядом и повернулся к Череп-горе.

Однако прежде чем я погрузился в сражение, на поле битвы снова легла тень. На этот раз моего отца. Он осторожно опустился на одно колено, стараясь не раздавить американских солдат.

– Ну, Джейми, как тебе наш новый священник?

– Мне он нравится.

– Мне тоже. И маме. Он очень молод для этой работы, но если справится, мы станем его первой общиной. Мне кажется, у него все получится. Особенно с БММ. Молодым легче найти общий язык друг с другом.

– Посмотри, пап, он показал мне, как делать пещеры. Надо только полить водой, чтобы земля стала мокрой.

– Понятно. – Отец потрепал мои волосы. – Тебе надо хорошенько умыться перед ужином. – Он поднял стакан. – Захватить его домой?

– Да, пожалуйста, и спасибо.

Он взял стакан и направился в сторону дома. Я повернулся к Череп-горе и увидел, что земля успела высохнуть и стенки пещеры обвалились. Солдаты внутри оказались погребены заживо. Но меня это не огорчило – как-никак это были плохие ребята.

Сейчас, когда мы с чрезмерной настороженностью относимся ко всему, что связано с сексом, ни один родитель в здравом уме не отправит своего шестилетнего ребенка к живущему без семьи (пусть даже всего несколько дней) мужчине, с которым едва знаком. Но именно так поступила моя мама в понедельник днем, не испытывая при этом никакой тревоги.

Преподобный Джейкобс – мама сказала, что я должен называть его именно так, а не «мистер», – поднялся на холм и постучал в нашу сетчатую дверь примерно без четверти три.

Я устроился с раскраской на полу гостиной, а мама смотрела по телевизору «Призы по телефону». Она послала свое имя на телеканал и надеялась выиграть главный приз месяца – пылесос фирмы «Электролюкс». Мама понимала, что шансов на это мало, однако сказала, что будет «уповать».

– Вы не могли бы одолжить мне своего младшего на полчаса? – попросил преподобный Джейкобс. – У меня в гараже есть нечто, что я хотел бы ему показать.

– А что это? – заинтересовался я, уже поднимаясь с пола.

– Секрет. Ты потом расскажешь о нем маме.

– Мам?

– Ну конечно, – согласилась она, – но сначала смени свою школьную одежду, Джейми. А пока он переодевается, может, выпьете чаю со льдом, преподобный Джейкобс?

– С удовольствием, – ответил он. – И еще: не могли бы вы называть меня Чарли?

Подумав, она ответила:

– Нет, но Чарлзом, наверное, могу.

Я переоделся в джинсы и футболку и спустился вниз. Они говорили о взрослых вещах, и я вышел на улицу подождать школьный автобус. Мы с Коном и Терри посещали школу с одним учебным кабинетом всего в четверти мили по шоссе от нашего дома. Энди записали в общую среднюю школу, а Клэр ездила через реку в среднюю школу в Гейтс-Фоллз. «Только не стань чьей-нибудь *первоклассной подружкой*», – пошутила мама: учеников младшего класса в этой школе называли «первоклашками». Автобус высаживал Энди и Клэр на пересечении шоссе и Методист-роуд, у подножия Методист-хилл.

Я видел, как они вышли из автобуса и направились вверх по холму, по привычке ругаясь – мне было отлично слышно их от почтового ящика, возле которого я стоял, – и в этот момент появился преподобный Джейкобс.

– Готов? – спросил он и взял меня за руку – совершенно естественно.

– Само собой, – ответил я.

Мы встретили Энди и Клэр на полпути вниз. Энди спросил, куда мы направляемся.

– Домой к преподобному Джейкобсу, – ответил я. – Он собирается показать мне секрет.

– Не задерживайся слишком долго, – сказала Клэр. – Сегодня твоя очередь накрывать на стол. – Она покосилась на Джейкобса и тут же отвернулась, будто не могла на него смотреть. Моя сестра, как и все ее подружки, втюрилась в преподобного по уши еще до конца года.

– Я скоро верну его, – пообещал Джейкобс.

Держась за руки, мы спустились по холму к шоссе номер 9, которое вело в Портленд, если повернуть налево, и в Гейтс-Фоллз, Касл-Рок и Льюистон – если направо. Остановившись, мы убедились в отсутствии машин – что было смешно, поскольку на шоссе номер 9 автомобили появлялись редко, если не считать лета, – а потом зашагали вдоль кукурузного поля. Мягкий осенний ветер раскачивал сухие кукурузные стебли, и они громко трещали. Через десять минут мы добрались до дома священника – аккуратного белого строения с черными ставнями. За ним располагалась Первая методистская церковь Харлоу, что также было смешно, поскольку иные методистские церкви в Харлоу отсутствовали.

Единственным другим молитвенным домом в нашем городке была Церковь Силома. Отец считал ее прихожан людьми с приветом. Хотя они и не ездили в повозках, запряженных лошадьми, все мужчины и мальчики надевали черные шляпы, когда выходили из дома. Женщины и девочки носили платья по щиколотку и белые шапочки. По словам отца, они знали, когда наступит конец света: это было написано в специальной книге. Мама говорила,

что в Америке каждый имеет право верить, во что хочет, если это никому не вредит... но не спорила с отцом. Наша церковь по размерам превосходила Церковь Силома, однако была очень простой. И без шпиля. Когда-то он имелся, но в давние времена, году в 1920-м, налетел ураган и сорвал его.

Мы с преподобным Джейкобсом прошли к дому по пыльной подъездной дорожке, и мое внимание привлек стоявший там синий «плимут-бельведер», явно принадлежавший пастору. Очень крутая машина.

– Коробка передач стандартная или кнопочная? – поинтересовался я.

Он удивился, а потом улыбнулся:

– Кнопочная. Это был подарок на свадьбу от моих свойственников.

– Тех, кто больше печется о своем?

– В моем случае – да, – ответил преподобный со смехом. – Ты любишь машины?

– Мы все любим машины, – сказал я, имея в виду всех членов нашей семьи... хотя, наверное, к маме и Клэр это относилось в меньшей степени. Женщины, похоже, вообще не могут оценить автомобиль по достоинству. – Когда «Дорожную ракету» починят, папа хочет испытать ее на гонках в Касл-Роке.

– В самом деле?

– Ну, сам он за руль не сядет. Мама говорит, что ему нельзя, потому что это слишком опасно. Может, это сделает Дуэйн Робишо. Ему с родителями принадлежит магазин «Браунис». Он участвовал в прошлогодней гонке, но у его машины загорелся двигатель. Папа говорит, что он ищет, на чем бы поехать сейчас.

– А Робишо ходят в церковь?

– Ну...

– Полагаю, что нет. Пойдем в гараж, Джейми!

Там было сумрачно и пахло плесенью. От темноты и плесени мне стало немного не по себе, но Джейкобса, казалось, они ничуть не смущали. Он провел меня вглубь и, остановившись, протянул руку, показывая на что-то. Я взглянул и ахнул от восторга.

Джейкобс довольно хмыкнул, как обычно делают люди, когда испытывают чувство гордости.

– Добро пожаловать на Мирное озеро, Джейми.

– Ничего себе!

– Я соорудил это в ожидании приезда Пэтси и Морри. Мне следовало заняться домом, и я действительно много сделал, например, починил насос, но пока Пэт не приедет с мебелью, дел не так уж много. Твоя мама с другими женщинами из группы помощи проделали потрясающую работу по уборке, малыш. Мистер Латур ездил сюда из Оррз-Айленда, так что здесь фактически никто не жил с начала Второй мировой войны. Я уже поблагодарил ее, однако буду признателен, если ты передашь ей мою благодарность еще раз.

– Само собой, – заверил я, но сомневаюсь, что выполнил обещание, потому что толком не слушал. Все мое внимание было приковано к столу, который занимал почти половину гаража. На нем раскинулся зеленый ландшафт, по сравнению с которым Череп-гора выглядела настоящим убожеством. С тех пор я видел немало подобных конструкций – в основном в витринах магазинов игрушек, – однако все они были укомплектованы навороченными электрическими железными дорогами. На столе, созданном трудами преподобного Джейкобса, никаких поездов не было. Это был даже не стол, а листы фанеры, положенные на поставленные рядом козлы. На этих листах располагался миниатюрный

участок сельской местности, примерно двенадцать футов в длину и пять в ширину. По диагонали его пересекали высоковольтные опоры высотой восемнадцать дюймов, а главным украшением являлось озеро с настоящей водой, отливавшее синевой даже в сумраке гаража.

– Мне скоро придется это разобрать, – сказал преподобный, – иначе в гараже не будет места для машины, а Пэтси это не понравится.

Он наклонился и, упершись руками в бедра, устремил взгляд на купола холмов, нитевидные линии электропередачи и большое озеро. Возле воды паслись пластмассовые овцы и коровы (они были значительно крупнее, чем следовало, но я этого не заметил, а если бы и обратил внимание, то не придал бы значения). Немного удивляло наличие множества уличных фонарей, поскольку там не было ни города, ни дорог, которые они могли бы освещать.

– Ты бы наверняка смог разыграть тут настоящее сражение со своими солдатами, верно?

– Да, – согласился я, подумав, что мог бы устроить тут целую войну.

Он кивнул:

– Но такому не бывать, потому что это – Мирное озеро. Тут никто не ссорится и нельзя драться. В каком-то смысле оно похоже на небеса. Когда у нас начнутся собрания БММ, я хочу перенести озеро в церковный подвал. Надеюсь, вы с братьями поможете мне. Думаю, ребятам оно понравится.

– Еще бы! – сказал я и добавил фразу, которую часто слышал от отца: – Тут и к гадалке не ходи!

Он засмеялся и хлопнул меня по плечу.

– А хочешь увидеть чудо?

– Наверное, – неуверенно ответил я, не зная, чего ожидать. Это могло быть что-то страшное. Я вдруг отчетливо осознал, что мы одни в старом, пыльном, пустом гараже, в котором пахло так, будто его не открывали годами. Дверь во внешний мир была распахнута, но до нее, казалось, не меньше мили. Преподобный Джейкобс мне действительно нравился, однако я начал жалеть, что не остался дома на полу с раскраской, дожидаясь известий, получилось ли у мамы выиграть пылесос и наконец одержать победу в нескончаемой борьбе с летней пылью.

Затем преподобный Джейкобс медленно провел рукой над Мирным озером, и я забыл о своих страхах. Из-под импровизированного стола донеслось тихое низкое жужжание, похожее на звук, который при нагревании издавал наш телевизор «Филко», и все крохотные уличные фонари зажглись. Они были белыми и светили удивительно ярко, заливая волшебным лунным светом зеленые холмы и голубую воду. Даже пластиковые коровы и овцы стали выглядеть как живые, возможно, потому, что теперь они отбрасывали тени.

– Ух ты! А как вы это сделали?

Он улыбнулся.

– Неплохой фокус, верно? И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош^[1]. Только я не Бог и потому пользуюсь электричеством. А оно – настоящее чудо, Джейми. Этот подарок от Господа позволяет нам чувствовать себя богоподобными каждый раз, когда мы щелкаем выключателем. Ты согласен?

– Наверное, – согласился я. – Мой дедушка Эймс помнит времена, когда не было электрического освещения.

– Таких людей немало, – сказал Джейкобс, – но пройдет не так много времени, и всех этих людей не станет... А когда это случится, уже никто не будет видеть в электричестве

настоящего чуда. И тайны. Мы представляем, как оно действует, но знать, как что-то действует, и знать, чем оно *является*, – это не одно и то же.

– А как вы включили фонари? – спросил я.

Он показал на полку за столом.

– Видишь эту маленькую красную лампочку?

– Ага.

– Это фотоэлемент. Они продаются, но этот я сделал сам. Он проецирует невидимый луч. Если я проведу рукой на его пути, уличные фонари вокруг Мирного озера зажгутся. А если я сделаю это снова... Вот так... – Он провел рукой над ландшафтом, и свет уличных фонарей стал меркнуть, пока не превратился в едва заметные точки, а потом погас полностью. – Видишь?

– Здорово! – зачарованно выдохнул я.

– Попробуй сам.

Я вытянул руку. Сначала ничего не происходило, а потом я встал на цыпочки и пальцами дотянулся до луча. Жужжание под столом возобновилось, и фонари зажглись снова.

– У меня получилось!

– Тут и к гадалке не ходи, – отозвался Джейкобс и потрепал мои волосы.

– А что это за жужжание? Совсем как у нашего телика.

– Загляни под стол. Сейчас я включу верхний свет, чтобы было видно. – Он щелкнул выключателем на стене, и зажглась пара пыльных лампочек, свисавших с потолка. Они не избавили гараж от запаха плесени (правда, теперь я чувствовал еще какой-то запах, горячий и маслянистый), но мрак немного рассеялся.

Я пригнулся – наклоняться низко мне не пришлось – и заглянул под стол. Увидел несколько коробок, прикрепленных к фанере снизу. Жужжание и запах масла исходили от них.

– Батареи, – пояснил преподобный. – Их я тоже сделал сам. Электричество – мое хобби. И всякие устройства. – Он улыбнулся, как мальчишка. – Обожаю устройства. А жену это сводит с ума.

– А мое хобби – война с фрицами, – сказал я, но, вспомнив его слова про «не очень», добавил: – Я имею в виду немцев.

– Хобби нужно всем, – сказал он. – Как и чудо-другое, чтобы доказать, что жизнь не сводится к изнурительному пути от колыбели до могилы. А хочешь увидеть еще одно чудо, Джейми?

– Еще бы!

В углу стоял второй стол, заваленный инструментами, обрезками проводов, обычными батарейками, какие продаются в магазине, и распотрошенными транзисторными приемниками, похожими на те, что были у Клэр и Энди. И еще там имелся небольшой деревянный ящик. Джейкобс взял его, опустил на одно колено, чтобы мне было видно, открыл и достал маленькую фигурку в белом.

– Ты знаешь, кто это?

Я знал, потому что фигурка очень походила на картинку на моем флуоресцентном ночнике.

– Иисус. Иисус с коробкой на спине.

– Это не просто коробка, а отсек для батарей. Смотри. – Он открыл крышку на маленькой петельке размером со швейную иголку. Внутри я увидел пару кругляшков, похожих

на блестящие монетки, с крошечными пятнышками припоя. – Их я тоже сделал сам, потому что в магазинах не продается ничего такого размера и мощности. Наверное, их можно запатентовать, и когда-нибудь, думаю, я так и сделаю, но... – Он покачал головой.

Преподобный закрыл крышку и подошел с Иисусом к ландшафту с Мирным озером.

– Надеюсь, ты обратил внимание, какая голубая тут вода, – сказал он.

– Да! Такого голубого озера я еще не видел!

Он кивнул:

– Также можно было бы счесть чудом... если не присмотреться повнимательнее.

– Как это?

– Вообще-то это просто краска. Я иногда размышляю над этим, Джейми. Когда не могу уснуть. Как покрашенное краской дно может заставить мелководье казаться глубоким.

Я подумал, что размышлять над этим глупо, но промолчал. Затем, будто очнувшись, Джейкобс положил Иисуса возле озера.

– Я собираюсь использовать это на собраниях БММ в качестве наглядного пособия, но тебе устрою маленькую демонстрацию сейчас. Согласен?

– Согласен.

– Это иллюстрация того, о чем говорится в главе четырнадцатой Евангелия от Матфея. А ты собираешься следовать Слову Божьему, Джейми?

– Само собой. Наверное, – ответил я, снова начиная чувствовать себя неудобно.

– Не сомневаюсь, что так и будет, – сказал он, – потому что знания, полученные в детстве, – самые прочные. Ладно, тогда слушай внимательно. И тотчас понудил Иисус учеников Своих – то есть приказал им – войти в лодку и отправиться прежде Его на другую сторону, пока Он отпустит народ. И отпустив народ, Он взшел на гору помолиться наедине...^[2] А ты молишься, Джейми?

– Да, каждый вечер.

– Хороший мальчик. Вернемся к рассказу. И отпустив народ, Он взшел на гору помолиться наедине; и вечером оставался там один. А лодка была уже на середине моря, и ее било волнами, потому что ветер был противный. В четвертую стражу ночи пошел к ним Иисус, идя по морю. И ученики, увидевши Его идущего по морю, встревожились и говорили: это призрак; и от страха вскричали. Но Иисус тотчас заговорил с ними и сказал: «Ободритесь; это Я, не бойтесь». Вот такая история, да благословит Господь Священное Писание. Хорошая история, верно?

– Верно. А он правда их успокоил?

– Правда. Хочешь увидеть, как Иисус идет по Мирному озеру?

– Еще бы! Конечно!

Джейкобс просунул руку под белое одеяние маленькой фигурки, и та начала двигаться. Добравшись до Мирного озера, фигурка не погрузилась в воду, а продолжила путь, торжественно скользя по ее поверхности. Секунд через двадцать она достигла другого берега. Там был холм, и фигурка попыталась на него подняться, но было видно, что она вот-вот упадет. Преподобный Джейкобс успел вовремя подхватить Иисуса, не дав ему опрокинуться, и выключил.

– У него получилось! – воскликнул я. – Он прошел по воде!

– Ну... – На лице Джейкобса появилась улыбка, но какая-то невеселая. Уголок его губ опустился вниз. – И да, и нет.

– Как это?

– Запомнил место, где он вошел в воду?

– Да...

– Пощупай его. Только постарайся не касаться линий электропередачи, потому что они под напряжением. Оно небольшое, но если дотронуться, тем более мокрой рукой, может стукнуть током.

Я осторожно протянул руку. Я не думал, что он хочет надо мной подшутить, как нередко делали Терри и Кон, но я находился в странном месте и со странным человеком, так что кто его знает... Вода выглядела глубокой, но это была иллюзия, созданная покрашенным дном и отражением света фонарей на поверхности. Мой палец погрузился в воду всего на одну фалангу.

– Ты не там смотришь, – сказал преподобный Джейкобс. – Надо чуть правее. Ты уже знаешь, где правая сторона, а где левая?

Это я умел. Меня научила мама: «Правой рукой мы пишем». Правда, в случае Клэр и Кона это не соответствовало действительности: папа называл их левшами.

Я послушался и нащупал в воде что-то металлическое с желобком посередине.

– Мне кажется, я нашел, – сообщил я преподобному Джейкобсу.

– Мне тоже так кажется. Ты касаешься дорожки, по которой ходит Иисус.

– Так это фокус! – догадался я. Я видел фокусников по телевизору на шоу Эда Салливана, а у Кона был набор фокусника, который ему подарили на день рождения, хотя в нем остались только парящие шары и исчезающее яйцо: все остальное потерялось.

– Верно.

– Как и хождение Иисуса по воде!

– Иногда при такой мысли мне и самому становится страшно, – признался он.

Преподобный задумался и выглядел таким грустным, что я снова немного испугался, но мне стало его жалко. Правда, я не мог понять, как можно огорчаться, имея в гараже такой чудесный игрушечный мир с озером.

– Это и правда отличный фокус, – сказал я, погладив Джейкобса по руке.

Очнувшись, он улыбнулся.

– Ты прав, – сказал он. – Наверное, я просто очень скучаю по жене и сынишке. Потому и одолжил тебя на время, Джейми. Но сейчас я должен вернуть тебя маме.

Когда мы добрались до шоссе номер 9, он снова взял меня за руку, хотя никаких машин поблизости не наблюдалось, и не отпускал до самой Методист-роуд. Я не возражал. Мне нравилось держать его за руку. Я знал, что он обо мне заботится.

Миссис Джейкобс и Моррис приехали через несколько дней. Он был обычным карапузом, зато она – настоящей красавицей. В субботу, за день до того, как преподобный Джейкобс впервые вошел на кафедру нашей церкви, мы с Терри и Коном помогли перенести Мирное озеро в церковный подвал, где каждый четверг проходили собрания Братства методистской молодежи. Без воды было отлично видно, какое озеро мелкое. На виду оказалась и узкая металлическая планка с желобком посередине.

Преподобный Джейкобс взял с Терри и Кона клятву, что они сохранят увиденное в тайне, объяснив, что не хочет лишать малышей ощущения чуда (отчего я почувствовал себя большим, и это мне очень нравилось). Они согласились, и не думаю, что проболтались, но свет в подвале церкви оказался намного ярче, чем в гараже, и если стоять близко к ландшафту и внимательно его разглядывать, было видно, что на самом деле Мирное озеро

представляет собой обычную широкую лужу. Да и металлическая планка тоже была заметна. К Рождеству от тайны не осталось ни следа.

– Это полный отстой, – заявил мне однажды в четверг Билли Пэкетт. Они с братом Ронни ненавидели четверговую вечернюю школу, но мать заставляла их туда ходить. – Если он снова начнет им хвастаться и рассказывать про хождение по воде, я точно блевану.

Я хотел его вздуть за эти слова, но он был сильнее. И моим другом. К тому же он был прав.

II. Три года. Голос Конрада. Чудо

Преподобного Джейкобса уволили за проповедь, которую он прочел 21 ноября 1965 года. Это легко было выяснить с помощью Интернета, потому что у меня имелся ориентир: тот день был воскресеньем перед Днем благодарения. Преподобный исчез из нашей жизни через неделю, и ушел один. Пэтси и Моррис – Морри-Хвостик, как прозвали его ребята из БММ, – к тому времени уже покинули нас. Как и «плимут-бельведер» с кнопочной коробкой передач.

Воспоминания о событиях трех лет между днем, когда я впервые увидел Мирное озеро, и Ужасной проповедью отпечатались в моей памяти удивительно ярко, хотя до начала своего повествования я был уверен, что помню мало. В конце концов, кто из нас помнит в подробностях свою жизнь с шести до девяти лет? Но изложение событий на бумаге – это чудесно и жутко в одно и то же время. Оно позволяет проникнуть в глубины памяти, доступ к которым был прежде закрыт.

Мне кажется, что я мог бы отложить в сторону события, о которых решил поведать, и написать целую книгу – и немаленькую – о тех годах и том мире, что так сильно отличается от того, в котором я живу сейчас. Помню, как мама в комбинации гладила белье – потрясающе красивая в утреннем свете. Я помню свои растянутые плавки из некрасивой серо-зеленой грубой ткани и купание с братьями в пруду Гарри. Мы говорили друг дружке, что дно скользкое из-за коровьих лепешек, но это был обыкновенный ил (*наверное*). Я помню навевавшие сон уроки в нашей школе с одним классным помещением, когда мы в своем углу занимались правописанием и подсказывали несчастному бестолковому Дикки Осгуду, как правильно написать слово «жираф». Я даже помню, как он говорил: «З-з-зачем мне п-п-писать про него, если я никогда его не в-в-видел?»

Я помню паутину грунтовых дорог, опутывавших наш город, и игру в шарики на школьном дворе во время холодных апрельских перемен, и завывание ветра в соснах, когда я лежал в постели после молитвы на ночь и пытался уснуть. Я помню, как отец в надвинутой на лоб бейсболке с надписью «МОРТОН ФЬЮЭЛ ОЙЛ» выходил из гаража с гаечным ключом в руке, а на костяшках его пальцев сквозь грязь проступала кровь. Я помню, как Кен Маккензи представлял на своем шоу «Майти-90» мультфильмы с морячком Папаем и как мне приходилось уступать место перед экраном, когда приходила Клэр с подружками, потому что они хотели смотреть «Американ бэндстенд» и знать, что носят девушки. Я помню багряные закаты, похожие на кровь на отцовских костяшках, и от этих воспоминаний даже сейчас меня пробирает дрожь.

У меня в запасе тысячи других воспоминаний, в основном хороших, но я сел за компьютер вовсе не для того, чтобы взглянуть на мир сквозь розовые очки и предаться ностальгии. Избирательная память – один из главных пороков старости, и у меня нет на это времени. Не все было хорошо. Мы жили в сельской местности, где всем приходилось трудно. Полагаю, сельская жизнь нелегка и сейчас.

Левую руку моего друга Эла Ноулза затянуло в картофельный сортировщик его отца, и Эл потерял три пальца, прежде чем мистер Ноулз сумел выключить норовистый и опасный агрегат. Я был там в тот день и помню, какими красными стали ремни. Я помню, как кричал Эл.

Мой отец (вместе с Терри, своим верным, пусть и не очень умелым помощником) сумел починить «Дорожную ракету» – Господи, как чудесно и мощно ревел двигатель, стоило

добавить оборотов! – и передал ее Дуэйн Робишо для участия в гонках в Касл-Роке. Машина была заново покрашена, и на ее борту красовался номер «19». На первом же круге первого заезда этот идиот не справился с управлением и опрокинул «Дорожную ракету». Сам Дуэйн не получил ни единой царапины. «Наверное, педаль газа заклинило», – объяснил он со своей обычной дурацкой ухмылкой, на что мой отец возразил, что если что и заклинило, так это мозги у Дуэйна.

– Это научит вас никогда не доверять Робишо ничего ценного, – заметила мама, на что отец засунул руки в карманы брюк с такой силой, что они немного сползли, и стала видна верхняя часть трусов. Не исключено, что он это сделал, чтобы руки не оказались на свободе и не совершили чего-то нежелательного.

Ленни Макинтош, сын почтальона, потерял глаз, когда наклонился, чтобы посмотреть, почему не сработал фейерверк, который он положил в пустую банку из-под ананасов.

У моего брата Конрада пропал голос.

Нет, не все было хорошо.

В первое воскресенье, когда преподобный Джейкобс приступил к своим обязанностям, в церкви собралось больше людей, чем когда-либо за все годы работы толстого, седого и добродушного мистера Латура, читавшего благонравные, но туманные проповеди. У него неизменно увлажнились глаза в День матери, который он называл Материнским воскресеньем (эти подробности я узнал от мамы, поскольку годы спустя вообще смутно помнил, каким был мистер Латур). Вместо обычных двадцати прихожан собралось в четыре с лишним раза больше, и я помню, как громко звучал хор голосов, прославлявших Бога: «Хвала Господу, от которого истекает всякая благодать, хвала Господу от всех, кто здесь собрался». У меня даже мурашки побежали по коже. Миссис Джейкобс отлично играла на органе, а ее светлые волосы, перехваченные простой черной ленточкой, отсвечивали разными цветами, когда на них падал свет сквозь единственное в церкви витражное окно.

Возвращаясь домой из церкви, вся наша нарядная семья поднимала клубы пыли, и я, оказавшись позади родителей, слышал, как мама выражала свое одобрение. И облегчение.

– Я боялась, что раз он такой молодой, нас ждет лекция о гражданских правах, отмене призыва в армию или чем-то в этом роде, – сказала она. – Однако была очень хорошая беседа на библейские темы. Мне кажется, люди будут ходить. Как думаешь?

– Какое-то время, – ответил отец.

– Тоже мне нефтяной магнат! Да к тому же циник! – отозвалась она и шутливо ущипнула его за руку.

Как выяснилось, они оба оказались отчасти правы. Посещаемость церкви никогда не падала до уровня времен мистера Латура, который в зимние дни редко собирал больше дюжины прихожан, жавшихся друг к другу, чтобы согреться: единственным источником тепла в продуваемом сквозняками помещении была дровяная печь. Постепенно количество прихожан сократилось сначала до шестидесяти, потом пятидесяти и, наконец, примерно до сорока человек, на чем и остановилось, колеблясь вокруг этого значения, словно показания термометра в переменчивый летний день. Никто не ставил это в вину мистеру Джейкобсу, чьи ясные и благоутробные проповеди всегда были основаны на Библии и никогда не затрагивали такие противоречивые темы, как атомная бомба или марш свободы. Люди просто потеряли интерес.

– Бог перестал быть важным для людей, – заметила как-то мама после службы, когда

прихожан явилось совсем мало. – Но придет день, когда они об этом пожалеют.

* * *

За эти три года наше Братство методистской молодежи тоже пережило скромное возрождение. Во времена Латура по четвергам редко собиралось больше дюжины ребят, и у четырех из них была фамилия Мортон, а звали их Клэр, Энди, Кон и Терри. Я тогда считался слишком маленьким для посещения собраний, за что Энди называл меня счастливым и награждал щелбанами. Когда я однажды поинтересовался у Терри, как все проходило, он равнодушно пожал плечами:

– Мы пели песни, изучали Библию и обещали никогда не пить спиртного и не курить. Затем он говорил, что мы должны любить своих мам, а кэттики отправятся в ад, потому что они поклоняются идолам, и что евреи любят деньги. И еще он говорил, что если кто-то из друзей рассказывает непристойности, надо представить, что Иисус их тоже слышит.

Однако при новом пасторе посещаемость выросла до тридцати с лишним ребят в возрасте от шести до семнадцати лет, что даже вызвало необходимость купить новые складные стулья для церковного подвала. И интерес был вызван вовсе не механическим Иисусом, пробиравшимся через Мирное озеро, – восторг от этого зрелища быстро сошел на нет, даже в моем случае. Не думаю, что ребят привлекали и картинки со Святой землей, которые преподобный развесил на стенах.

Все дело было в его молодости и увлеченности. Кроме чтения проповедей он устраивал игры и разные мероприятия, не уставая повторять, что Иисус нес свое учение в основном на открытом воздухе, а значит, христианство не ограничено стенами церкви. Мы продолжали изучение Библии, но занимались этим, играя в «музыкальные стулья», и нередко кто-то оказывался на полу в поисках стиха 9 главы 14 Второзакония или стиха 12 главы 2 Послания к Тимофею. Было весело. Кон и Энди помогли соорудить бейсбольную площадку позади церкви, и порой по четвергам мальчишки играли в бейсбол, а девчонки за них болели, а порой – девчонки играли в софтбол, и уже мальчишки поддерживали *их* (надеясь, что кто-то из девочек забудет про игру и явится в юбке).

Интерес преподобного Джейкобса к электричеству нередко находил отражение в его «беседах с молодежью» по вечерам в четверг. Я помню, как однажды он зашел к нам домой и попросил Энди надеть в следующий четверг свитер. Когда мы все собрались, он попросил моего брата выйти на середину и сказал, что хочет продемонстрировать, как выглядит бремя греха.

– Хотя я уверен, что *ты* не такой уж и грешник, Энди, – добавил он.

Брат нервно улыбнулся и промолчал.

– Это не для того, чтобы вас напугать, ребята, – продолжил Джейкобс. – Некоторые священники верят в полезность страха, но я к ним не отношусь. Я просто хочу, чтобы вы были в курсе.

(Как потом выяснилось, обычно именно эти слова говорят люди перед тем, как напугать вас до смерти.)

Он надул несколько шариков и попросил нас представить, что каждый из них весит двадцать фунтов. Взяв первый, преподобный произнес:

– Это – ложь.

Затем он быстро потер шарик о свою рубашку и поднес к свитеру Энди. Шарик прилип к нему будто приклеенный.

– А вот это – воровство. – Он прикрепил к свитеру еще один шар. – А теперь гнев.

Я точно не помню, сколько всего было шаров, но, кажется, семь по количеству смертных грехов, и они облепили вязаный свитер Энди с оленями.

– Тут больше ста фунтов греха, – подвел итог Джейкобс. – Очень тяжелое бремя! Но кто берет на себя все грехи мира?

– Иисус! – дружно ответили мы хором.

– Правильно. И когда вы молитесь ему о прощении, происходит вот что. – Джейкобс вытащил булавку и проткнул один за другим все шары, включая и тот, что почему-то оторвался, и его пришлось водружать на место.

Мне кажется, что часть с прокалыванием шаров нам всем понравилась гораздо больше, чем со святым статическим электричеством.

Но самое сильное впечатление произвела демонстрация возможностей электричества, устроенная с помощью собственного изобретения Джейкобса, которое он назвал «Лестницей Иакова». Это был металлический ящик размером с бокс, в котором жила моя игрушечная армия. Из него торчали два провода, похожие на комнатную телевизионную антенну. Когда преподобный воткнул вилку в розетку (прибор работал от сети, а не от батареек) и щелкнул выключателем на боку, по проводам поползли вверх длинные искры, причем такие яркие, что резало глаза. Достигнув верхней точки, они исчезали. Когда Джейкобс кинул в воздух над устройством щепотку какого-то порошка, карабкавшиеся вверх искры засветились разными цветами. Девчонки ахнули от восторга.

Этот опыт тоже имел какую-то религиозную подоплеку – во всяком случае, в представлении Чарльза Джейкобса, – но будь я проклят, если помню, какую именно. Может, что-то связанное со Святой Троицей? Без «Лестницы Иакова» перед глазами, без устремляющихся вверх искр и звука работающего прибора, напоминавшего шипение разъяренного кота, такие экзотические ассоциации забывались так же быстро, как обычная простуда.

Однако одну его мини-лекцию я помню очень хорошо. Преподобный устроился верхом на стуле лицом к нам. Жена сидела на скамеечке за фортепиано позади него, скромно сложив руки на коленях и слегка склонив голову. Может, она молилась. А может, просто скучала. Я знаю, что многим из слушателей было скучно – к тому времени основная часть методистской молодежи Харлоу уже начала уставать от электричества и его небывалых возможностей.

– Ребята, наука говорит нам, что электричество есть движение заряженных атомных частиц, называемых электронами. Поток электронов создает ток, и чем быстрее текут электроны, тем выше напряжение. Это – наука, и она очень хороша, но у нее имеются свои *пределы*. Всегда наступает момент, когда знания иссякают. Чем же в действительности являются электроны? Ученые говорят, что это заряженные атомы. Ладно, отлично, пусть так, но что такое атомы? – Он подался вперед, устремив на нас пристальный взгляд голубых глаз, которые сами казались наэлектризованными. – *Никто этого не знает наверняка!* И вот тут на сцену выходит религия. Электричество – это один из путей Господа в бесконечность.

– Лучше бы он притащил электрический стул и поджарил белых мышей, – презрительно фыркнул Билли Пэкэтт как-то вечером после благословения. – Вот *это* было бы клево!

Несмотря на частые (и все более скучные) лекции о святом напряжении, большинство

из нас с нетерпением ждало занятий в четверговой вечерней школе. Если преподобный Джейкобс не садился на своего любимого конька, его беседы на темы нравственности, которой учит Священное Писание, бывали очень увлекательными и даже веселыми.

Он говорил о реальных проблемах, с которыми мы все сталкивались: от травли одноклассников до соблазна списать во время контрольной. Мы с удовольствием играли, с удовольствием (преимущественно) занимались и с удовольствием пели, потому что миссис Джейкобс была прекрасной пианисткой и никогда не растягивала гимны.

К тому же она умела играть не только гимны. Одним незабываемым вечером она сыграла три песни «Beatles», и мы вместе исполнили «From Me to You», «She Loves You» и «I Want to Hold Your Hand». Мама говорила, что Пэтси Джейкобс играла на пианино в семьдесят раз лучше мистера Латура, и когда жена священника попросила выделить немного церковных денег на настройщика из Портленда, дьяконы единогласно поддержали ее просьбу.

– Но лучше, наверное, все-таки воздержаться от «Beatles», – сказал при этом мистер Келтон. Он был дьяконом методистской церкви Харлоу дольше других. – Дети могут послушать их по радио. Нам бы хотелось, чтобы вы придерживались более... хм... *христианских* мелодий.

Миссис Джейкобс, застенчиво потупив взгляд, согласилась.

Но и это было не все. Чарлз и Пэтси Джейкобс обладали сексуальной привлекательностью. Я уже упоминал, что в него втрескались Клэр с подружками, а вскоре большинство мальчишек запало на жену священника, потому что Пэтси Джейкобс была потрясающе красивой: светлые волосы, чистая белая кожа, полные губы, большие зеленые глаза. Конни утверждал, что Пэтси обладала колдовскими чарами, потому что каждый раз, когда она смотрела в его сторону, у него подгибались колени. С такой внешностью она наверняка стала бы причиной пересудов, если бы активно пользовалась косметикой, а не ограничивалась легким мазком губной помады. Но в двадцать три года ей ничего больше и не требовалось. Косметикой ей служила молодость.

По воскресеньям она носила подобающие платья до колен или чуть ниже, хотя в эти годы дамские юбки начинали постепенно укорачиваться. На собрания БММ по четвергам она надевала юбки и платья безупречной длины (из «Шип энд Шор», как утверждала мама). Но женская половина паствы все равно смотрела на нее с пристрастием, потому что безукоризненно сидевшая одежда лишь подчеркивала фигуру, и мои братья лишь закатывали глаза или изображали, что отдергивают руку, будто случайно дотронулись до раскаленной плиты. Она играла в софтбол вместе с девчонками в «дамские дни», и однажды я подслушал, как мой брат Энди – думаю, тогда ему было лет четырнадцать – признался, что вид Пэтси Джейкобс, пробегающей базы, вызывает у него чувство, близкое к религиозному экстазу.

Она могла играть на пианино по четвергам и участвовать в большинстве других мероприятий БММ, потому что приводила с собой маленького сынишку. Он был послушным и славным мальчуганом. Морри любили все. Насколько я помню, он нравился даже Билли Пэккетту, чей атеизм в то время начинал набирать силу. Морри почти никогда не плакал. Если он падал и сдирал кожу на коленях, то просто хлюпал носом и тут же успокаивался, стоило одной из девочек постарше взять его на руки и прижать к себе. Когда мы выходили на улицу поиграть, он неизменно следовал за мальчишками, а если не мог за ними угнаться, то за девчонками, которые с удовольствием возились с ним во время изучения Библии или качали его в такт при пении – отсюда и прозвище Морри-Хвостик.

Особенно его любила Клэр. У меня перед глазами до сих пор стоит картина – хотя я понимаю, что она является плодом многих наложенных друг на друга воспоминаний, – как они сидят в углу с игрушками: Морри – на маленьком стульчике, Клэр – на коленях рядом, помогает ему с раскраской или выкладыванием змейки из домино.

– Когда я выйду замуж, то рожу четырех таких детей, – призналась однажды Клэр матери. Думаю, ей тогда было семнадцать и ее пребывание в БММ подходило к концу.

– Удачи тебе, – ответила мама. – Во всяком случае, я надеюсь, что твои дети будут не такими страшенькими, как Морри, этот медвежонок.

При всей своей неделикатности это замечание не было лишено оснований. Хотя Чарлз Джейкобс был красивым мужчиной, а Пэтси Джейкобс – самым совершенством, Морри-Хвостик выглядел заурядно, как картофельное пюре. У него было совершенно круглое лицо, напоминавшее мне Чарли Брауна из комиксов, и тусклые темные волосы. Хотя глаза отца Морри были голубыми, а матери – чарующе зелеными, у самого мальчика они оказались самыми обыкновенными карими. Тем не менее все девчонки его обожали, словно именно такого малыша им хотелось родить в ближайшие десять лет, а мальчишки относились к нему как к младшему брату. Он был нашим талисманом. Он был Морри-Хвостиком.

Как-то вечером в один из февральских четвергов мы впятером возвращались домой, раскрасневшись от катания на санках за церковью (преподобный Джейкобс провел электрическое освещение вдоль всей трассы), распевая «Я Генрих Восьмой» во все горло. Я помню, Энди и Кон были в особенно веселом настроении, потому что привезли наши санки и устроили Морри на подушке впереди, где он бесстрашно восседал, похожий на резную фигуру на носу корабля.

– Вам нравятся эти собрания, верно? – спросил отец. Мне показалось, что в его голосе звучало удивление.

– Да! – подтвердил я. – Мы ответили на тысячу вопросов по Библии, а затем пошли кататься на санках. Миссис Джейкобс тоже каталась, только никак не могла удержаться и все время падала!

Я засмеялся, и отец рассмеялся вместе со мной.

– Это здорово, Джейми, но вы там чему-то *учитесь*?

– Воля человека должна быть продолжением воли Божьей, – отбарабанил я, цитируя последний урок. – А еще, если соединить положительный и отрицательный полюса аккумулятора проводом, будет короткое замыкание.

– Верно, – согласился отец, – и поэтому надо быть особенно осторожным, когда «прикуриваешь». Но мне непонятно, какое отношение это имеет к уроку по христианству.

– Это к тому, что, когда поступаешь плохо, чтобы сделать что-то хорошее, ничего хорошего не получается.

– Ясно. – Отец взял последний номер журнала «Кар энд драйвер» с крутым «Ягуаром-ХК-Е» на обложке. – Знаешь, Джейми, есть такое выражение: дорога в ад вымощена благими намерениями. – Он на секунду задумался и добавил: – И освещена электрическими фонарями.

Эта мысль его развеселила, и он засмеялся. Я тоже рассмеялся за компанию, хотя и не понял, в чем заключалась шутка. Если это вообще была шутка.

Энди и Кон дружили с братьями Нормом и Хэлом Фергюсонами. Фергюсоны относились к тем, кого у нас называли «чужаками» или «пришлыми». Они жили в Бостоне,

так что общение обычно ограничивалось летними каникулами. Их семья владела загородным домом на озере Лукаут примерно в миле от нашего дома, и две пары братьев познакомились на церковном мероприятии, которое называлось «Библейская школа на каникулах».

У Фергюсонов был семейный абонемент на посещение курорта «Козья гора», и иногда Кон и Энди ездили с ними на их автомобиле-универсале поплавать и пообедать в «клубе». Они рассказывали, что бассейн там в тысячу раз лучше пруда Гарри. Нас с Терри это не очень-то волновало – нам хватало пруда, и у нас были свои друзья, – но Клэр им дико завидовала. Ей хотелось посмотреть, «как живут богатые».

– Да точно так же, как и мы, дорогая, – сказала мама. – Кто говорит, что богатые другие, ошибается.

Клэр, отжимавшая белье в нашей старенькой стиральной машине, недовольно скривилась.

– Сильно сомневаюсь, – ответила она.

– Энди говорит, что девчонки в бассейне плавают в бикини, – вставил я.

– Это все равно что в трусах и лифчике, – фыркнула мама.

– А мне бы хотелось иметь бикини, – заметила Клэр. Думаю, она сказала это нарочно, чтобы позлить мать, как это любят девушки в семнадцать лет.

Мама погрозила ей пальцем с коротко подстриженным ногтем, с которого капала мыльная пена.

– Вот так девушки становятся беременными, юная мисс.

Клэр мастерски отразила этот выпад:

– Тогда ты не должна пускать туда Кона и Энди. Девушки могут забеременеть *из-за них*.

– Попридержи язык, – сказала мама, показав глазами в мою сторону. – Дети любят слушать то, что им не полагается.

Как будто я не знал, из-за чего девушки беременеют: из-за секса. Парни ложились на них сверху и ерзали, пока не возникало *ощущение*. А когда это случалось, из их штуковины вытекала какая-то загадочная штука под названием сперма. Она попадала девушкам в живот, и через девять месяцев наступало время пеленок и детских колясок.

Несмотря на все протесты сестры, родители не запретили Кону и Энди ездить летом на курорт раз или два в неделю. Когда Фергюсоны приехали на зимние каникулы в феврале 1965 года и пригласили братьев покататься на лыжах, родители их отпустили, и наши старенькие, исцарапанные лыжи украсили багажник универсала вместе со сверкающими новенькими лыжами Фергюсонов.

Когда они вернулись, на горле Кона красовался багровый рубец.

– Ты что, не удержался на трассе и налетел на ветку? – поинтересовался отец, когда пришел домой и увидел отметину.

– Еще чего, пап! – возмутился Кон, бывший отличным лыжником. – Мы с Нормом гонялись наперегонки. Катились бок о бок, как черти...

Мама предостерегающе подняла вилку.

– Извини, мам. Как бешеные. Норм налетел на кочку и потерял равновесие. Он махнул рукой... – Кон показал как, едва не опрокинув свой стакан с молоком. – И угодил лыжной палкой мне в шею. Было больно, как... в общем, очень сильно, но сейчас полегче.

Но он ошибался. На следующий день багровая полоса поблекла и превратилась в похожий на ожерелье синяк, однако мой брат охрип. К вечеру он мог говорить только шепотом, а через два дня совсем лишился голоса.

Растяжение гортанного нерва в результате перенапряжения шеи. Такой диагноз поставил доктор Рено. Он сказал, что сталкивался с этим раньше, и через неделю-другую голос Конрада начнет возвращаться. К концу марта с Конни будет полный порядок. Он сказал, что беспокоиться не о чем, и не ошибся. Во всяком случае, в отношении себя самого: с *его голосом* все было в порядке. Чего нельзя было сказать о моем брате. Шел апрель, а Кон все еще общался при помощи записок и жестов. Он по-прежнему ходил в школу, хотя другие мальчишки начали над ним смеяться. Их особенно веселило, как он решил проблему участия в жизни класса (во всяком случае, отчасти), написав «ДА» на одной ладони и «НЕТ» на другой. У него имелся целый набор карточек с разными сообщениями, написанными печатными буквами. Особый взрыв веселья вызывала карточка с надписью «Можно выйти в туалет?».

Кон, казалось, относился к этому достаточно спокойно, понимая, что любая другая реакция только подольет масла в огонь и раззадорит насмешников, но однажды вечером я зашел в комнату, которую мой брат делил с Терри, и увидел, как он лежит на кровати и беззвучно плачет. Я подошел к нему и спросил, что случилось. Глупый вопрос, ведь ответ был мне известен, но в такой ситуации надо было что-то *сказать*, и я *мог* это сделать, потому что это не меня ударили по горлу лыжной палкой Судьбы.

– *Убирайся!* – произнес он одними губами. Его щеки и лоб в новой россыпи прыщей пылали, а глаза опухли от слез. – *Убирайся, убирайся на хрен, урод!*

Той весной у мамы в волосах появилась первая седина.

Однажды, когда отец пришел домой, выглядя более уставшим, чем обычно, мама сказала, что надо отвезти Кона в Портленд и показать специалисту.

– Мы ждали достаточно долго, – сказала она. – Этот старый болван Джордж Рено может говорить что угодно, но я знаю, что случилось, и ты тоже знаешь. Тот безрассудный богатенький мальчик порвал нашему сыну голосовые связки.

Отец тяжело опустился за стол. Никто из них не заметил меня в прихожей, где я нарочно задержался, делая вид, что завязываю шнурки на кедах.

– Мы не можем себе это позволить, Лора, – сказал он.

– Но ты же позволил себе закупить топливо в Гейтс-Фоллз! – В ее голосе зазвучали противные, презрительные нотки, которых я раньше никогда не слышал.

Отец сидел, глядя в стол, хотя на нем не было ничего, кроме клеенки в красно-белую клетку.

– Вот *поэтому* мы и не можем себе это позволить. Мы едва сводим концы с концами. Ты же знаешь, какой была зима.

Мы все это знали. Когда благополучие семьи зависит от продаж печного топлива, со Дня благодарения и до самой Пасхи все домашние будут постоянно смотреть на градусник, надеясь, что красный столбик не поползет вверх.

Мама стояла у раковины, погрузив руки в облако мыльной пены, в глубине которого невидимые тарелки грохотали так, будто она не мыла их, а пыталась разбить.

– По-другому ты никак не мог, верно? – поинтересовалась она тем же противным голосом. Я ненавидел этот голос. Она говорила так, будто нарочно пыталась вывести его из себя. – Тоже мне, нефтяной барон!

– Я заключил сделку до того, как это случилось с Коном, – отозвался он, по-прежнему не глядя на нее и снова засунув руки глубоко в карманы. – Это было в августе. Мы вместе читали «Альманах старого фермера», и там говорилось, что ожидается самая холодная и снежная зима за все послевоенное время. И мы вместе решили, что надо закупать. Ты сама считала на арифмометре.

Тарелки в раковине загремели еще громче.

– Возьми кредит!

– Я бы взял, Лора... послушай. – Наконец он поднял на нее глаза. – Возможно, мне придется его взять, чтобы пережить лето.

– Речь о твоём сыне!

– Я это знаю, *черт возьми!* – взорвался папа. Это испугало меня и, должно быть, испугало маму, потому что из облака пены послышался грохот бьющихся тарелок. Она вытащила руки из раковины, и на одной из них была кровь.

Мама протянула ее отцу – совсем как мой онемевший брат со своими «ДА» и «НЕТ» – и сказала:

– Посмотри, до чего ты меня до... – Она остановилась на полуслове, заметив, что я сижу в прихожей и смотрю на них. – *Убирайся!* Ступай на улицу и поиграй!

– Лора, не вымещай это на Дже...

– *Убирайся!* – закричала она с той же яростью, с какой заорал бы Кон, будь у него голос. – *Как не стыдно подслушивать!*

Она разрыдалась. Я выскочил из дома, тоже плача, и, не разбирая дороги, бросился бежать, а добравшись до шоссе, перемахнул через него, не глядя по сторонам. Я не стремился к дому священника – я был слишком расстроен, чтобы даже подумать о нем. Если бы Пэтси Джейкобс не вышла на лужайку перед домом, чтобы проверить, не проросли ли цветы, посаженные осенью, я бы, наверное, бежал, пока не упал без сил. Но она *вышла* и окликнула меня по имени. Мне хотелось бежать дальше, но – я, кажется, уже говорил об этом – я был вежливым мальчиком, пусть и расстроенным. Я остановился.

Она подошла ко мне. Я опустил глаза и тяжело дышал.

– Что случилось, Джейми?

Я промолчал. Она взяла меня за подбородок. Я увидел Морри на ступеньках крыльца в окружении игрушечных грузовиков. Он глазел на меня.

– Джейми? Скажи, что тебя расстроило?

Нас учили не только быть вежливыми, но и не болтать о том, что происходит в семье. Только так ведут себя настоящие янки. Но доброта миссис Джейкобс сняла запреты, и я рассказал обо всем без утайки. О страданиях Кона (глубину которых, по моему убеждению, родители не постигли, хотя и очень переживали), о том, как мама боялась, что у него порваны голосовые связки и он никогда больше не сможет говорить, о том, как настойчиво она просила папу показать его специалисту, на что тот ответил, что у нас на это нет денег. И главное, о криках. Я не рассказал Пэтси о чужом голосе, который появился у мамы, но только потому, что не знал, как это выразить.

Когда я наконец выговорился, она сказала:

– Пойдем к заднему сараю. Тебе нужно поговорить с Чарли.

Поскольку гараж теперь, как и положено, был занят «бельведером», Джейкобс оборудовал мастерскую в заднем сарае. Когда Пэтси завела меня в сарай, он что-то паял в

телевизоре без экрана.

– Когда я снова соберу эту штуку, – сказал он, обнимая меня за плечи и доставая платок из заднего кармана, – то смогу ловить телевизионные станции Майами, Чикаго и Лос-Анджелеса. Вытри глаза, Джейми. Да и носу не повредит немного внимания.

Приводя себя в порядок, я с восхищением разглядывал безглазый телевизор.

– Вы и правда сможете ловить станции Чикаго и Лос-Анджелеса?

– Да нет, это была шутка. Я просто пытаюсь подключить усилитель сигнала, который позволит ловить не только восьмой канал.

– У нас ловит шестой и тринадцатый, – сказал я. – Хотя картинка на шестом рябит.

– У вас есть антенна на крыше. А у семьи Джейкобс – только комнатные «усы».

– А почему вы ее не купите? Они продаются в «Вестерн ауто» в Касл-Роке.

Он усмехнулся:

– Отличная идея! На квартальном заседании я выступлю перед дьяконами и скажу, что хочу потратить часть собранных пожертвований на телевизионную антенну, чтобы Морри мог смотреть мультики, а мы с женой – сериал «Станция “Юбочкино”» по вечерам во вторник. Ладно, не обращай внимания, Джейми. Скажи-ка лучше, что тебя так расстроило?

Я оглянулся, ища глазами миссис Джейкобс и надеясь, что она избавит меня от необходимости пересказывать все еще раз, но жена пастора незаметно удалилась. Он взял меня за плечи и подвел к козлам. Мне хватило роста, чтобы залезть на них и усесться.

– Это из-за Кона?

Конечно, было несложно догадаться: в ту весну просьба о возвращении Кону голоса каждый четверг была частью заключительной молитвы, как и мольбы за других членов БММ, с которыми что-то случалось (чаще всего переломы, но Бобби Андервуд сильно обжегся, а Кэрри Дауги пришлось обрить голову наголо и ополоснуть уксусом, когда ее мать с ужасом обнаружила, что малышка завшивела). Однако ни жена преподобного Джейкобса, ни он сам не имели ни малейшего представления о том, как сильно страдал Кон и как это несчастье сказалось на всей семье, будто особо заразный вирус.

– Летом прошлого года папа купил топливо, – сказал я, снова начав плакать. Я ненавидел слезы: плач был излюбленным приемом малышни, – но сейчас ничего не мог с собой поделать. – Он сказал, что от такой цены грех отказываться, только зима оказалась теплой, и цена печного топлива упала до пятнадцати центов за галлон, а теперь им не по карману обратиться к специалисту. А если бы вы слышали маму, она говорила совсем не как мама, а папа иногда сует руки в карманы, потому что... – Но тут наконец сдержанность янки дала о себе знать, и я закончил: – Потому что я не знаю почему.

Он снова вытащил платок, пока я вытирался, взял с верстака металлический ящик. Из него во все стороны торчали провода, будто ключья нестриженных волос.

– Вот усилитель, – произнес он, – изобретенный вашим покорным слугой. Когда я его закончу, то протяну провод из окна и до карниза. А потом подсоединю... – Он кивнул на угол, где ржавыми металлическими зубьями вверх стояли грабли. – Антенна Джейкобса, штучное изделие.

– А она будет работать? – спросил я.

– Не знаю. Думаю, что да. Но даже если и так, я уверен, что дни телевизионных антенн сочтены. Еще лет десять, и телевизионные сигналы будут передаваться по телефонным проводам, а станций будет намного больше трех. К девяностым годам сигналы будут приходиться от спутников. Я знаю, что это звучит как научная фантастика, но такая технология

уже существует.

На лице преподобного появилось знакомое мечтательное выражение, и я решил, что он уже забыл о Коне. Теперь я знаю, что это не так. Он просто давал мне время прийти в себя и, возможно, хотел подумать сам.

– Сначала люди сочтут это поразительным, а потом – само собой разумеющимся. Они станут говорить: «Да, у нас есть телефонное телевидение», – или: «У нас есть спутниковое телевидение», – но они будут ошибаться. Все это – дар электричества, которое в наши дни проникло во все аспекты жизни и стало таким привычным, что мы перестали его замечать. Есть такое выражение: слон в гостиной. Так говорят про то, чего нельзя не заметить, но что со временем становится настолько обыденным, что мы перестаем обращать на это внимание.

– Пока не придется убирать за ним какашки.

От этих слов он расхохотался, и я вместе с ним, хотя в моих глазах еще стояли слезы.

Преподобный подошел к окну и посмотрел на улицу, сложив руки за спиной. После долгого молчания повернулся ко мне и сказал:

– Я хочу, чтобы ты привел ко мне вечером Кона. Ты сможешь это сделать?

– Конечно, – ответил я без особого энтузиазма. Я решил, что он хочет еще раз помолиться. Хуже от этого точно не будет, но и лучше вряд ли станет, потому что за Кона уже очень много молились.

Родители не возражали против нашего визита к священнику (мне пришлось спрашивать их по отдельности, потому что в тот вечер они не разговаривали друг с другом). Труднее было уговорить Конни, возможно, потому, что я и сам не очень-то верил в эту затею. Но я обещал преподобному и должен был сдержать слово. Я обратился за помощью к Клэр, которая верила в молитву намного сильнее меня, а кроме того, умела добиваться своего. Думаю, в немалой степени потому, что была единственной девочкой. Из четырех братьев только Энди, самый старший, мог устоять, когда она хлопала ресницами и о чем-то просила.

Мы втроем перешли шоссе номер 9, отбрасывая длинные тени в свете взошедшей полной луны, и Кон, которому в тот год исполнилось тринадцать – темноволосый и стройный, в выцветшей клетчатой куртке, перешедшей к нему от Энди, – вытащил блокнот, который везде носил с собой. Он написал что-то на ходу, поэтому буквы получились неровными. «Это глупо».

– Может быть, – не стала спорить Клэр, – но нас точно угостят печеньем. У миссис Джейкобс всегда есть печенье.

Кроме того, у миссис Джейкобс был Морри, уже пятилетний, одетый в пижаму. Он подбежал к Кону и прыгнул к нему на руки.

– Так и не можешь говорить? – спросил Морри.

Кон покачал головой.

– Папа тебя вылечит, – заверил Морри. – Он работал весь день. – Потом протянул руки к сестре. – Возьми меня, возьми меня, медвежонок Клэр, и я тебя поцелую!

Она засмеялась и забрала его у Кона.

Преподобный Джейкобс ждал в сарае, одетый в выцветшие джинсы и свитер. В углу работал электрообогреватель, его проволочные элементы раскалились докрасна, но в мастерской все равно было холодно. Я подумал, что священник, наверное, слишком поглощен работой над своими проектами, чтобы заняться утеплением. Временно безглазый телевизор был накрыт теплоизоляционным чехлом от газонокосилки.

Джейкобс обнял Клэр и чмокнул ее в щеку, затем пожал руку Кону, который протянул

ему блокнот. «НАВЕРНОЕ, СНОВА Молитвы», – было написано на чистой странице.

Я подумал, что это невежливо, и судя по тому, как нахмурилась Клэр, она разделяла мое мнение, но Джейкобс только улыбнулся.

– Возможно, и до них дойдет дело, но сперва я хочу попробовать нечто другое. – Он повернулся ко мне. – Кому помогает Господь, Джейми?

– Тому кто сам о себе заботится, – ответил я.

– Не очень грамотно, но по сути верно.

Он подошел к верстаку и взял предмет, похожий на широкий ремень из ткани или самое узкое в мире электрическое одеяло. Из него торчал шнур, на котором имелась белая пластиковая коробочка с ползунковым переключателем. Джейкобс с поясом в руках устремил на Кона серьезный взгляд.

– Над этим прибором я возился весь прошлый год. Я называю его электрическим стимулятором нервов.

– Одно из ваших изобретений, – сказал я.

– Не совсем. Идея использования электроэнергии для снятия боли и стимулирования мышц очень и очень стара. За шестьдесят лет до рождения Христа римский врач по имени Скрибоний Ларг обнаружил, что боль в ногах можно унять, если поставить страдающего на электрического угря.

– Да вы все выдумали! – не поверила Клэр и рассмеялась. Но Кон не смеялся, устремив зачарованный взгляд на тканевый ремень.

– Вовсе нет, – возразил Джейкобс, – но источником энергии для моего прибора являются маленькие батарейки, которые *действительно* изобрел я. В центральной части штата Мэн трудно встретить электрических угрей, не говоря уже о том, чтобы обвить их вокруг шеи мальчика. А именно это я и собираюсь сделать при помощи своего самодельного устройства. Дело в том, Кон, что доктор Рено может быть прав, считая, что никакого разрыва голосовых связок нет. Не исключено, что им просто нужен толчок. Я готов провести эксперимент, но все зависит от тебя. Что скажешь?

Кон кивнул. В его глазах я увидел давно забытое выражение: надежду.

– А почему вы никогда не показывали нам это на занятиях БММ? – спросила Клэр с упреком.

Джейкобс удивился и даже немного смутился:

– Думаю, я просто не знал, как связать это с уроком по христианству. До того как Джейми пришел ко мне сегодня, я собирался испытать его на Эле Ноулзе. Вы же знаете, какой с ним произошел несчастный случай?

Мы все кивнули. Он потерял пальцы в картофельном сортировщике.

– Он все еще чувствует пальцы, которых больше нет, и говорит, что они болят. К тому же он стал плохо владеть этой рукой из-за повреждения нерва. Как я уже говорил, мне давно известно, что электричество может помочь в подобных вопросах. А теперь, похоже, моим подопытным кроликом станешь ты, Кон.

– Значит, нам просто повезло, что такой прибор оказался под рукой? – поинтересовалась Клэр. Я не понимал, какое это имело значение, но, видимо, имело. Во всяком случае, для нее.

Джейкобс укоризненно взглянул на нее и сказал:

– Словами «совпадение» и «везение» пользуются неверующие люди, Клэр, когда хотят описать волю Божию.

Она покраснела и, смутившись, опустила глаза. Кон тем временем что-то нацарапал в блокноте: «Это больно?»

– Не думаю, – ответил Джейкобс. – Ток очень слабый, практически незаметный. Я опробовал его на своей руке – как манжету для измерения давления – и почувствовал лишь покалывание, какое бывает, если отлежишь руку или ногу во время сна. Но если вдруг *станет больно*, просто подними руки, и я сразу все выключу. Сейчас я надену на тебя эту штуку. Она будет плотно облегать, но не давить. И не будет затруднять дыхание. Застежки тут нейлоновые. Металлические не годятся.

Он обернул ремень вокруг шеи Кона, и теперь казалось, будто она обмотана толстым зимним шарфом. В широко раскрытых глазах Кона сквозил испуг, но когда Джейкобс спросил, готов ли он, тот кивнул. Клэр взяла меня за руку и сжала пальцы. Они были холодными. Я подумал, что Джейкобс начнет молиться об успехе. В некотором смысле, наверное, так он и поступил. Наклонившись, чтобы заглянуть Кону прямо в глаза, он произнес:

– Жди чуда.

Кон кивнул. Я видел, как ремень на его шее шевельнулся, когда он с трудом сглотнул.

– Хорошо. Начали.

Преподобный Джейкобс щелкнул переключателем, и послышался слабый гул. Голова Кона дернулась. Губы конвульсивно скривились сначала в одну сторону, потом в другую. Пальцы мелко задрожали, и руки стали подрагивать.

– Больно? – спросил Джейкобс. Указательный палец преподобного застыл над переключателем, готовый в любой момент передвинуть его. – Если больно, вытяни руки.

Кон покачал головой. И произнес глухо и невнятно, будто его рот был набит мелким гравием:

– Не больно... *Тепло*.

Мы с Клэр обменялись дикими взглядами, в которых читался один и тот же вопрос: *мне послышалось?* Теперь она сжимала мою руку так сильно, что было больно, но я не обращал внимания. Когда мы посмотрели на Джейкобса, он улыбался.

– Не пытайся говорить. Пока. Я хочу, чтобы прибор поработал еще две минуты, и буду следить по часам. Если станет больно, вытяни руки, и я сразу все выключу.

Кон не стал вытягивать руки, хотя они и продолжали дергаться вверх-вниз, будто он играл на невидимом пианино. Его верхняя губа несколько раз непроизвольно приподнялась, глаза беспорядочно моргали. Он снова произнес трескучим и хриплым голосом:

– Я... опять... могу *говорить!*

– Молчи! – строго велел Джейкобс. Его указательный палец замер над переключателем, готовый немедленно остановить работу прибора, а глаза неотрывно следили за движущейся секундной стрелкой наручных часов. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем он щелкнул переключателем и слабый гул прекратился. Расстегнув пряжки, он стянул ремень через голову Кона. Кон тут же принялся ощупывать свою шею. Кожа немного покраснела, но скорее всего не от электрического тока, а от давления ремня.

– Послушай, Кон, я хочу, чтобы ты повторил пару строк из старой песенки: «От моей собаки блошки прицепились даже к кошке». Но если горло начнет болеть, сразу же остановись.

– От моей собаки *блошки*, – произнес Кон своим странным скрипучим голосом, – прицепились даже к *кошке*. – И добавил: – Мне нужно сплунуть.

– Больно горлу?

– Нет, просто надо сплюнуть.

Клэр открыла дверь сарая. Кон высунулся и, прокашлявшись (с тем же неприятным металлическим звуком, похожим на скрип ржавых петель), сплюнул комок слизи, как мне показалось, размером почти с кулак. Затем мой брат повернулся к нам, массируя горло одной рукой.

– От моей собаки *блошки*. – Его голос еще звучал странно, но стал четче и больше походил на человеческий. По щекам Кона текли слезы. – Прицепились даже к *кошке*.

– Пока достаточно, – сказал Джейкобс. – Сейчас мы пойдем в дом, и ты выпьешь стакан воды. Большой. Тебе нужно пить много воды. Сегодня и завтра. Пока твой голос снова не станет нормальным. Договорились?

– Да.

– Когда вернешься домой, можешь поздороваться с родителями. А потом поднимись к себе в комнату, встань на колени и поблагодари Господа за то, что он вернул тебе голос. Договорились?

Кон с готовностью кивнул. Он рыдал в полную силу, и не он один. Мы с Клэр тоже плакали. Только у преподобного Джейкобса глаза оставались сухими. Мне кажется, он был слишком потрясен, чтобы плакать.

Одна Пэтси ничему не удивилась. Когда мы вошли в дом, она сжала руку Кона и сказала самым будничным голосом:

– Вот и славно.

Морри обнял моего брата, и тот стиснул его в ответ с такой силой, что у малыша округлились глаза. Пэтси налила из крана на кухне стакан воды, и Кон выпил его весь, после чего поблагодарил голосом, уже похожим на его собственный.

– Не за что, Кон. Морри уже давно пора спать, да и вам нужно домой. – Она повела Морри за руку к лестнице и не оборачиваясь добавила: – Думаю, ваши родители очень обрадуются.

«Обрадуются» – это оказалось не то слово.

Они сидели в гостиной и смотрели по телевизору сериал «Виргинцы», по-прежнему не разговаривая друг с другом. Даже переполненный радостью и волнением, я не мог не заметить царившего там напряжения. Энди и Терри шумели наверху, переругиваясь, – в общем, все как всегда. У мамы на коленях лежало вязаное шерстяное покрывало, и она наклонилась, чтобы распутать пряжу в корзинке, когда Кон произнес:

– Привет, мам. Привет, пап.

Отец уставился на него, открыв рот, а мама застыла с вязальными спицами в одной руке, так и не вытащив другую из корзинки. Она очень медленно подняла глаза и спросила:

– Что?..

– Привет, – снова сказал Кон.

Она закричала и вылетела из кресла, отпихнув ногой вязальную корзинку. Схватила Кона так, будто собиралась хорошенько встряхнуть, как наказывала нас в детстве за проступки. Но никакой трепки в тот вечер не было. Мама прижала Кона к себе, не в силах сдержать слез. Я слышал, как Терри и Энди с грохотом мчатся вниз со второго этажа, чтобы выяснить, что случилось.

– Скажи что-нибудь еще! – всхлипывала мама. – Скажи, чтобы я убедилась, что мне не

показалось!

– Он не должен... – начала было Клэр, но Кон не дал ей договорить. Потому что теперь мог это сделать.

– Я люблю тебя, мам, – произнес он. – И тебя, пап.

Папа взял Кона за плечи и внимательно осмотрел его горло, но смотреть там было не на что, поскольку краснота прошла.

– Хвала Господу, – сказал он. – Хвала Господу, сынок.

Мы с Клэр переглянулись, опять подумав об одном и том же: преподобный Джейкобс тоже заслуживал благодарности.

Мы объяснили, что Кону в первое время нельзя говорить много, а когда рассказали о питье, Энди вышел на кухню и вернулся с огромной отцовской сувенирной кофейной кружкой (сбоку она была украшена канадским флагом и надписью «ОДИН АНГЛИЙСКИЙ ГАЛЛОН КОФЕИНА»), наполненной водой. Пока Кон пил, мы с Клэр по очереди рассказывали, как все происходило, а Кон пару раз добавлял про покалывание, которое чувствовал, когда ремень был включен. Когда он открывал рот, Клэр ругала его за несдержанность.

– Не могу поверить, – повторяла мама, не сводя глаз с Кона. Несколько раз она обнимала его и прижимала к себе, будто боялась, что у него вырастут крылья и он, обратившись в ангела, улетит.

– Если бы церковь не оплачивала преподобному Джейкобсу его печное топливо, – сказал отец, когда наш рассказ подошел к концу, – ему бы все равно никогда не пришлось за него платить.

– Мы придумаем что-нибудь, – рассеянно сказала мама. – А сейчас будем праздновать. Терри, достань из морозилки мороженое, которое мы приберегали на день рождения Клэр. Это будет хорошо для горла Кона. А вы с Энди накройте на стол. Мы съедим его все, так что доставайте большие миски. Ты не возражаешь, Клэр?

Та покачала головой:

– Это лучше, чем день рождения.

– Я выпил столько воды, что мне надо в туалет, – сказал Конни. – А потом помолиться. Так велел преподобный. И не мешайте мне, пока я это делаю.

Он пошел наверх, а Энди с Терри отправились на кухню, чтобы разложить по мискам мороженое-ассорти (которое мы называли «ван-шок-клуб»... удивительно, как все вспоминается). Родители вернулись в свои кресла и продолжили смотреть телевизор, ничего не видя. Я заметил, как мама протянула руку, а отец взял ее не глядя, будто знал, где она должна быть. Я ощутил себя по-настоящему счастливым.

Затем почувствовал, что меня тянут за рукав, и увидел Клэр. Она провела меня в прихожую через кухню, где Энди и Терри ругались из-за размера порций. Ее широко раскрытые глаза светились.

– Ты видел его? – спросила она требовательно.

– Кого?

– Преподобного Джейкобса, дубина! Ты видел его, когда я спросила, почему он никогда не показывал электрический пояс на собраниях БММ?

– Ну... да...

– Он сказал, что работал над ним целый год, но если так, он бы обязательно похвастался. Он так гордится *всем*, что делает!

Я вспомнил, как он смутился, будто Клэр поймала его на лжи (я не раз чувствовал и на своем лице подобное выражение в подобные моменты), но...

– Ты хочешь сказать, что он солгал?

Она решительно кивнула:

– *Да!* Точно! А его жена? *Она же обо всем знала!* Тебе интересно, что я думаю? Я думаю, что он начал сразу после твоего прихода. Может, у него уже была идея – у него их тысячи, и все связаны с электроприборами. Его голова набита ими, как початок кукурузы зернами, но до сегодняшнего дня он этим прибором вообще не занимался.

– Ничего себе! Знаешь, Клэр, я не думаю...

Она все еще держала меня за руку и теперь резко дернула, будто пыталась вытянуть из грязи, в которой я увяз.

– Ты видел их кухонный стол? Один прибор остался нетронутым, тарелка чистая, стакан тоже. Он пропустил ужин, чтобы успеть. Вкалывал как проклятый, если судить по рукам. Они были красные, а на двух пальцах волдыри.

– И все это ради Кона?

– Не уверена, – сказала она, не сводя с меня глаз.

– Клэр! Джейми! – позвала мама. – Идите есть мороженое!

Клэр даже не обернулась.

– Из всех детей в БММ он встретил тебя первым, и ты ему нравишься больше всех. Он сделал это ради тебя, Джейми. Он сделал это ради тебя.

Она пошла на кухню, оставив меня стоять с открытым ртом. Если бы Клэр чуть дольше задержалась и позволила мне прийти в себя, я бы обязательно поделился с ней своим ощущением: преподобный Джейкобс был удивлен не меньше нас.

Он не ожидал, что это сработает.

III. Авария. Рассказ моей матери. Ужасная проповедь. Прощание

В один из теплых безоблачных дней октября 1965 года Патриция Джейкобс усадила Морри-Хвостика на переднее сиденье «плимута-белведер», подаренного ее родителями на свадьбу, и отправилась в «Рэд энд уайт маркет» в Гейтс-Фоллз. «За продуктами», как тогда бы сказали.

В трех милях от них фермер по имени Джордж Бартон – убежденный холостяк по прозвищу Одинокий Джордж – выехал из дома на пикапе «Форд F-100», прицепив сзади картофелекопалку. Он направлялся на свое южное поле, лежавшее примерно в миле по шоссе. С картофелекопалкой он не мог ехать быстрее десяти миль в час, поэтому двигался по грунтовой обочине, позволяя другим машинам себя обгонять. Одинокий Джордж был человеком доброжелательным, отличным фермером, хорошим соседом, членом школьного совета и дьяконом нашей церкви. И еще «пилептиком», как он признавался чуть ли не с гордостью. Правда, тут же сразу добавлял, что доктор Рено прописал таблетки, «от которых припадков считай что не бывает». Может, и так, но в тот день припадок случился, когда он был за рулем.

– Наверное, ему вообще нельзя было управлять машиной, а если и ездить, то только по открытому полю, – говорил потом доктор Рено, – но как человеку его профессии отказаться от машины? У него нет ни жены, ни взрослых детей, которых он мог бы посадить за руль. Забрать у него водительские права – все равно что пустить его ферму с молотка.

Вскоре после отъезда Пэтси и Морри в «Рэд энд уайт» миссис Адель Паркер ехала вниз по Сируа-хилл, по узкому, извилистому участку дороги, на котором постоянно случались автомобильные аварии. Миссис Паркер двигалась медленно и потому успела затормозить, едва не наехав на женщину, которая, пошатываясь, брела посередине дороги. Одной рукой женщина прижимала к груди окровавленный сверток. Пэтси Джейкобс могла держать его только одной рукой, потому что вторая была оторвана по локоть. По ее лицу струилась кровь. Содранный с головы клочок кожи свисал на плечо, и окровавленные пряди шевелились при дуновении легкого осеннего ветерка. Правый глаз вытек на щеку. Вся ее красота была уничтожена в одно мгновение. Красота вообще очень хрупка.

– Помогите моему ребенку! – вскрикнула Пэтси, когда миссис Паркер остановила свой старенький «студебекер» и выскочила из машины. За спиной покрытой кровью женщины с окровавленным кулем виднелся объятый пламенем «белведер», лежавший на крыше. В него упирался бампером грузовик Одинокого Джорджа. Сам Джордж лежал на руле и не шевелился. Перевернутая картофелекопалка перегородила шоссе.

– Помогите моему ребенку! – Пэтси протянула сверток, и когда Адель Паркер увидела маленького мальчика с кровавым месивом вместо лица, она закрыла глаза и закричала. Когда она смогла снова открыть их, Пэтси стояла на коленях, будто молясь.

Из-за поворота выехал еще один пикап и едва не налетел на «студебекер» миссис Паркер. Это был Фернальд Девитт, обещавший Джорджу помочь убрать урожай. Он выскочил из кабины, подбежал к миссис Паркер и посмотрел на женщину, стоящую на коленях. Затем развернулся и бросился к месту аварии.

– Вы куда? – закричала миссис Паркер. – Помогите ей! *Помогите этой женщине!*

Фернальд, которому довелось воевать морским пехотинцем на Тихом океане и насмотреться там всякого, не остановился, но, обернувшись, крикнул через плечо:

– Они с ребенком уже не жильцы, а что с Джорджем, неизвестно.

Он не ошибся. Пэтси умерла задолго до того, как приехала «скорая помощь» из Касл-Рока, а Одинокий Джордж Бартон дожил до девятого десятка. И больше никогда не садился за руль.

Вы спросите, откуда я могу все это знать? Ведь мне тогда было всего девять лет.

Но я это знаю.

В 1976 году, когда моя мать была еще относительно молодой женщиной, ей поставили диагноз: рак яичников. В то время я учился в Университете Мэна, но на втором семестре второго курса взял академический отпуск, чтобы побыть с ней до конца. Хотя дети в нашей семье уже давно выросли (а Кон вообще находился далеко за горизонтом и занимался исследованием пульсаров в обсерватории Мауна-Кеа на Гавайях), мы все приехали домой, чтобы побыть с мамой и поддержать отца. Он так сильно переживал, что никакой помощи оказать не мог и просто бродил по дому или надолго уходил в лес.

Мама ясно дала понять, что хочет провести свои последние дни дома, и мы по очереди кормили ее, давали лекарство или просто сидели с ней. К тому времени она мало чем отличалась от скелета, обтянутого кожей, и сидела на морфии. Морфий – странная штука. Он снимает барьеры – всю ту сдержанность янки, преодолеть которую иначе просто невозможно. В один из дней во второй половине февраля, примерно за неделю до смерти мамы, была моя очередь сидеть с ней. В тот день мела пурга и стоял сильный мороз, а от резких порывов северного ветра дом дрожал и стонал, но внутри было тепло. Даже жарко. Если помните, отец занимался отопительным бизнесом, и после того ужасного года в середине шестидесятых, когда он оказался на грани банкротства, не просто встал на ноги, но и весьма преуспел.

– Убери одеяла, Теренс, – сказала мама. – Зачем их так много? Я вся горю.

– Это Джейми, мам. Терри сейчас в гараже с отцом. – Я убрал единственное одеяло и увидел на удивление веселенькую ночную рубашку розового цвета, под которой, казалось, ничего не было. Мамины волосы (поседевшие еще до того, как ее поразил рак) почти выпали, губы поджались, обнажив зубы, казавшиеся неестественно большими и похожими на лошадиные, и только глаза остались прежними. Они были по-прежнему молодыми, полными болезненного любопытства: *Что со мной такое?*

– Джейми, Джейми, я так и сказала. Ты не дашь мне еще одну таблетку? Сегодня боль просто ужасная. Я никогда еще так плохо себя не чувствовала.

– Через пятнадцать минут, мама. – Вообще-то следующий прием должен был быть через два часа, но, на мой взгляд, это ничего не меняло. Клэр предложила дать ей все таблетки разом, что повергло Энди в настоящий шок – он был единственным из нас, кто остался верен строгому религиозному воспитанию.

– Вы хотите отправить ее в ад? – спросил он.

– Она не отправится в ад, потому что таблетки дадим ей *мы*, – возразила Клэр, с моей точки зрения, вполне резонно. – Она же не будет об этом знать. – И добавила фразу, от которой у меня защемило сердце, потому что ее часто произносила мать: – Она уже не понимает, где белое, а где черное. Не понимает.

– Вы этого не сделаете! – не сдавался Энди.

– Не сделаем, – вздохнув, согласилась Клэр. Ей скоро должно было исполниться тридцать, и она находилась в самом расцвете красоты. Может, потому, что наконец влюбилась? Если так, что за горькая ирония судьбы. – У меня на это не хватит смелости. Ее хватает только на то, чтобы позволить ей страдать.

– На небесах ее страданиям не будет места, – заявил Энди, будто подводя окончательную черту. Наверное, для него так и было.

Ветер завывал, старые стекла в единственном окне спальни дрожали, и мама сказала:

– Господи, какая же я стала худая. Я была такой красивой невестой, все так говорили, а теперь от Лоры Маккензи остались только кожа да кости. – Уголки ее губ опустились, как на раскрашенном лице печального клоуна.

Мне предстояло провести с ней в спальне еще три часа, прежде чем Терри должен был меня сменить. Часть этого времени мама могла проспять, но сейчас она не спала, и я лихорадочно искал любую возможность отвлечь ее от пожирающего само себя тела. Я бы уцепился буквально за любую тему. И так вышло, что этой темой оказался Чарлз Джейкобс. Я спросил, не знает ли она, куда он отправился из Харлоу.

– Ужасное было время, – сказала мама. – То, что случилось с его женой и маленьким сынишкой, просто ужасно.

– Да, – согласился я. – Знаю.

В одурманенном морфием взгляде умирающей матери отразилось недоверие.

– Ты не знаешь. И не понимаешь. Ужас был в том, что в этом не было ничьей вины. И уж конечно, вины Джорджа Бартона. У него просто случился припадок.

От нее я тогда узнал то, о чем уже рассказал вам. А она узнала об этом из уст Адель Паркер, которая говорила, что вид умирающей женщины будет преследовать ее до самой могилы.

– А я никогда не забуду его крика в морге Пибоди, – призналась мама. – Я представить себе не могла, что человек может так кричать.

Жена Фернальда Деви́тта Дорин позвонила матери и рассказала ей о случившемся. У нее была веская причина позвонить Лоре Мортон первой.

– Ты должна сообщить ему, – сказала она.

Моя мать пришла в ужас:

– О нет! Я не могу!

– Ты должна, – терпеливо повторила Дорин. – О таком не сообщают по телефону, а ты его ближайшая соседка, если не считать этой сплетницы Майры Харрингтон.

И мать, под действием морфия уже не считавшая нужным о чем-то умалчивать, рассказала:

– Я собрала все свое мужество и уже выходила из дома, когда вдруг почувствовала, как у меня схватил живот, и едва успела добежать до туалета, где меня пронесло.

Она спустилась с нашего холма, перешла шоссе номер 9 и добралась до дома священника. Думаю, это был самый долгий путь в ее жизни. Она постучала в дверь, однако преподобный открыл не сразу, хотя было слышно, как в доме играет радио.

– Да и как он мог меня услышать? – спросила она, глядя в потолок. – Сначала я едва коснулась двери костяшками пальцев.

Во второй раз она постучала громче. Джейкобс открыл и посмотрел на нее сквозь

сетчатую дверь. В одной руке он держал большую книгу, и даже годы спустя она помнила название: «Протоны и нейтроны. Тайный мир электричества».

– Привет, Лора, – сказал он. – С вами все в порядке? Вы очень бледная. Входите же, входите.

Она вошла. Он спросил, что случилось.

– Произошла страшная авария, – сказала она.

Выражение участия на его лице сменилось тревогой.

– Дик или кто-то из детей? Вы хотите, чтобы я поехал с вами? Садитесь, Лора, на вас лица нет!

– С моими все в порядке, – сказала она. – Это... Чарлз, это Пэтси. И Морри.

Он аккуратно положил большую книгу на стол в гостиной. Думаю, именно тогда мама увидела название, и меня не удивляет, что она его запомнила: в подобных случаях люди замечают и запоминают все. Я знаю это по личному опыту. К сожалению.

– Насколько серьезно они пострадали? – спросил он и добавил, не дав ей ответить: – Они в больнице Святого Стиви? Наверняка там, она ближе всего. Вы можете отвезти меня туда на своей машине?

Больница Святого Стефана находилась в Касл-Роке, но их, конечно, отвезли не туда.

– Чарлз, вы должны проявить мужество.

Преподобный взял ее за плечи – осторожно, как сказала она, и не больно, но когда он наклонился и заглянул ей в лицо, его глаза пылали.

– *Что с ними, Лора? Что с ними?*

Мама заплакала.

– Они погибли, Чарлз. Мне так жаль.

Он отпустил ее, уронив руки.

– Этого не может быть, – произнес он голосом человека, который не сомневается в своей правоте.

– Мне надо было приехать на машине, – сказала мама. – Да, надо было. Но я не подумала и просто пришла.

– Этого не может быть, – снова повторил он, потом отвернулся и прислонился лбом к стене. – Нет! – Он ударился лбом о стену с такой силой, что висевшая рядом картина Иисуса с ягненком на руках задрожала. – Нет! – Снова ударился о стену, и на этот раз картина сорвалась с крючка и упала.

Мама взяла его за руку, вялую и безжизненную.

– Чарлз, не надо, – сказала она и добавила, будто обращалась к одному из своих детей: – Не надо, милый.

– Нет. – Он снова стукнулся головой. – Нет! – И еще раз: – *Нет!*

На этот раз она взяла его за обе руки и оттащила от стены.

– Перестаньте! Прекратите немедленно!

Он ошеломленно уставился на нее. На его лбу проступило ярко-красное пятно.

– Этот взгляд, – рассказывала она мне много лет спустя, умирая. – Я не могла его вынести, но должна была. Такие вещи надо доводить до конца.

– Пойдемте со мной к нам, – сказала она. – У Дика есть виски, и я налью вам стаканчик, потому что вам это нужно, а у вас, я уверена, его нет...

Он засмеялся. И его смех звучал жутко.

– ...а потом я отвезу вас в Гейтс-Фоллз. Они у Пибоди.

– У Пибоди?

Она подождала, пока он осознает смысл ее слов. Он не хуже ее знал, чем занимались в заведении Пибоди. К тому времени преподобный Джейкобс много раз совершал богослужение на похоронах.

– Пэтси не могла умереть, – произнес он терпеливым, наставительным тоном. – Сегодня среда, а среда – день принца Спагетти, как говорит Морри.

– Пойдемте со мной, Чарлз. – Мама взяла его за руку и вывела во двор, залитый великолепным осенним солнцем. В то утро он проснулся рядом с женой и позавтракал, глядя на сына. Они болтали о всяких пустяках, как обычно делают люди по утрам. Мы не знаем, что ждет нас впереди. Любой день может оказаться последним, и знать об этом никому из нас не суждено.

Когда они добрались до шоссе – залитого солнцем, безмолвного и, как почти всегда, пустынного, – он наклонил голову, прислушиваясь к звуку сирен со стороны Сируа-хилл. Над горизонтом поднимался дым. Преподобный посмотрел на маму.

– Морри тоже? Вы уверены?

– Пойдемте, Чарли. – «Я назвала его так единственный раз в жизни», – призналась она мне. – Пойдемте, мы стоим на дороге.

Они направились в Гейтс-Фоллз на нашем стареньком «форде»-универсале, через Касл-Рок. Это был крюк миль в двадцать, но к тому времени мама сумела взять себя в руки и восстановила способность мыслить ясно. Она не собиралась проезжать через место аварии, каким бы длинным ни оказался объезд.

Похоронное бюро Пибоди находилось на Гранд-стрит. Серый «кадиллак»-катафалк уже стоял на подъездной дорожке, а несколько автомобилей припарковались на обочине. Среди них были массивный «бьюик» Реджи Келтона и грузовой автофургон с надписью «МОРТОН ФЬЮЭЛ ОЙЛ», увидев который мама испытала огромное облегчение.

Отец и мистер Келтон вышли из здания, когда мама вела преподобного Джейкобса по дорожке. К тому времени он притих и напоминал послушного ребенка. Он разглядывал листву, рассказывала мама, будто пытался оценить, когда осенние краски заиграют во всей красе.

Папа обнял Джейкобса, но тот никак не отреагировал и продолжал стоять, сжав руки в кулаки и разглядывая деревья.

– Чарли, я очень сожалею о вашей потере, – пророкотал Келтон. – Мы все сожалеем.

Они проводили его в фойе, наполненное приторным ароматом цветов. Из висевших под потолком динамиков звучала тихая, как шепот, и почему-то зловещая органная музыка. Майра Харрингтон – в Западном Харлоу все называли ее Сплетницей – уже была там. Наверное, она подслушала разговор по общей телефонной линии, когда Дорин звонила маме. Подслушивание являлось ее хобби. Она тяжело подняла свою тушу с дивана в фойе и притянула преподобного Джейкобса к своей огромной груди.

– Ваша милая женушка и такой чудесный мальчуган! – завывала она высоким, мяукающим голосом. Мама взглянула на папу, и оба поморщились. – Они сейчас на небесах! Вот в чем утешение! Спасенные кровью Агнца, они обрели вечный покой в Царствии Божием! – По щекам Сплетницы потекли обильные слезы, оставляя следы на толстом слое розовой пудры.

Преподобный Джейкобс не отверг ее объятий и выслушал излияния скорби. Через минуту или две («Я уже начала думать, что она не остановится, пока не задушит его своими

огромными грудями», – сказала мне мать) он отстранился, несильно, но решительно оттолкнув Майру. Затем он повернулся к отцу и мистеру Келтону и сказал:

– Я хочу увидеть их прямо сейчас.

– Нет, Чарли, – возразил мистер Келтон. – Надо немного подождать. Пока Мистер Пибоди не приведет их в по...

Джейкобс прошел через комнату, где какая-то старушка в гробу красного дерева ждала своего последнего появления на публике, и направился дальше, в конец коридора. Он лучше других знал, куда идти.

Папа и мистер Келтон поспешили за ним. Мама села, а Сплетница устроилась напротив нее, поблескивая глазками под копной белых волос. Лет ей было немало, за восемьдесят, и когда ее не навещал никто из многочисленных внуков и правнуков, чувствовать себя живой ей помогала только трагедия и скандал.

– Как он это воспринял? – громким шепотом поинтересовалась она. – Как вы его успокаивали?

– Не сейчас, Майра, – ответила мама. – Я абсолютно разбита. Мне просто хочется закрыть глаза и минутку передохнуть.

Но ей это не удалось, потому что из задних комнат похоронного бюро, где готовили для погребения тела умерших, донесся жуткий крик.

– Он был похож на ветер, который дует сегодня, Джейми, – сказала мама, – только в сто раз страшнее. – Наконец она отвела взгляд от потолка. Я пожалел об этом: за светом в ее глазах я различил надвигающуюся тьму близкой смерти. – Сначала был только душераздирающий вопль. И хотелось бы мне, чтобы этим все и ограничилось. «Где его лицо? – крикнул он. – Где лицо моего малыша?»

Кто будет совершать обряд во время похорон? Этот вопрос (наряду с тем, кто стрижет парикмахера) не давал мне покоя. Потом я узнал, как все проходило, но сам там не присутствовал. Мама сказала, что пойдут только они с папой, Клэр и Кон. Она считала, что для остальных это может оказаться слишком сильным потрясением (наверняка вспомнила жуткий крик в похоронном бюро Пибоди), так что нас с Терри оставили на попечении Энди. Меня это вовсе не обрадовало, потому что Энди мог быть настоящим гаденышем, особенно когда родители уходили из дома. Для истинного христианина он слишком любил выкручивать руки и отвешивать щелбаны, от которых сыпались искры из глаз.

Однако в день похорон Пэтси и Морри, в субботу, никаких выкручиваний рук и щелбанов не было. Энди сказал, что если родители с ребятами не вернутся к ужину, он разогреет нам банку спагетти с мясом. А пока мы должны просто смотреть телевизор и держать рот на замке. Затем он поднялся наверх и больше не возвращался. При всей своей раздражительности и властности он любил Морри-Хвостика не меньше нас, а в Пэтси был влюблен (как и все остальные... за исключением Кона, которого девчонки никогда не интересовали). Он мог пойти наверх, чтобы помолиться – удались в свою обитель и затвори дверь, как советует святой Матфей, – или, возможно, просто хотел побыть один и попытаться понять, как такое возможно. Эти две смерти не отвратили его от веры – он оставался убежденным христианином до конца своих дней, – но наверняка нанесли по ней сильный удар. Мою собственную веру их гибель тоже не разрушила. Это сделала Ужасная проповедь.

Прощальный панегирик Пэтси и Морри прочел в нашей церкви преподобный Дэвид Томас из Гейтс-Фоллз, что никого не удивило. Как сказал папа, между

конгрегационалистами и методистами нет никакой разницы. А вот Стивен Гивенс, выбранный Джейкобсом для богослужения на кладбище «Уиллоу-гроув», всех поразил. Гивенс был пастором (он не называл себя преподобным) Церкви Силона, где в то время прихожане еще придерживались верований Фрэнка Уэстона Сэндфорда. Того самого, что пугал апокалипсисом, призывал родителей пороть своих детей за мелкие прегрешения (указывая им, что они «должны нести учение Христа») и настаивал на голодных тридцатичасовых постах... даже для младенцев.

После смерти Сэндфорда Церковь Силома сильно изменилась (и сегодня мало чем отличается от других протестантских церковных групп), но в 1965 году слухам верили, тем более что их подпитывало необычное одеяние последователей вкупе с убежденностью в скором конце света, который мог наступить, скажем, на следующей неделе. Как оказалось, наш Чарлз Джейкобс и их Стивен Гивенс были друзьями и часто встречались в Касл-Роке за чашкой кофе. После Ужасной проповеди в городе нашлись люди, которые искренне верили, что преподобного Джейкобса «заразили верой Церкви Силома». Может, и так, но по словам родителей (а также Кона и Клэр, чьим рассказам я доверял больше), во время краткой церемонии у могилы Гивенс держался подобающим образом – успокаивал и утешал.

– Он ни разу не упомянул о конце света, – сказала Клэр. Я помню, какой красивой она была в тот вечер в своем темно-синем платье (в ее гардеробе оно оказалось ближе всего к черному по цвету) и тонких чулках. Я также помню, что она почти ничего не ела за ужином, а бездумно водила вилкой по тарелке, превращая еду в бесформенную мешанину.

– А что Гивенс читал из Писания? – спросил Энди.

– Первое послание к Коринфянам, – ответила мама. – Где мы видим как бы сквозь тусклое стекло.

– Хороший выбор, – одобрительно произнес мой старший брат с умным видом.

– А как он сам? – спросил я у мамы. – Как преподобный Джейкобс?

– Он был... тихим, – ответила она неуверенно. – Наверное, размышлял.

– Нет, не тихим, – возразила Клэр и оттолкнула тарелку. – Он был в транс. Просто сидел на складном стуле у могилы, и когда мистер Гивенс попросил его первым бросить землю, а потом присоединиться к нему в благословении, продолжал сидеть, зажав руки коленями и свесив голову. – Она заплакала. – Это похоже на сон, дурной сон!

– Но он все-таки *поднялся* и бросил землю, – уточнил папа, обнимая ее за плечи. – Не сразу, но все равно. По горсти на каждый гроб. Так ведь, Клэр?

– Да, – сказала она, расплакавшись еще сильнее. – После того как этот приглашенный священник взял его за руки и поднял.

Кон ничего не сказал, и я только сейчас обратил внимание, что его нет за столом. Я увидел его на заднем дворе у вяза, возле крыши, которую мы использовали как качели. Он стоял, упершись головой в ствол и обхватив дерево руками. Его плечи тряслись.

В отличие от Клэр, свой ужин он съел. Я это хорошо помню. Он съел все, что ему положили, и даже попросил добавки звучным и ясным голосом.

В следующие три воскресенья службу проводили приглашенные дьяконами священники, но пастора Гивенса среди них не было. Хотя на похоронах на кладбище «Уиллоу-гроув» он проявил себя с лучшей стороны, подозреваю, что его все равно не позвали. Помимо характерной природной сдержанности и воспитания янки отличает умеренная предвзятость в вопросах религии и расы. Три года спустя я услышал, как один из преподавателей средней

школы в Гейтс-Фоллз, где я тогда учился, спросил оскорбленно-удивленным тоном: «Кому это понадобилось стрелять в преподобного Кинга? Он же был *хорошим* ниггером!»

После аварии занятия БММ прекратились. Я думаю, что этому обрадовались все, даже Энди, которого прозвали Королем библейской зубрежки. Нам было тяжело видеть преподобного Джейкобса, как и ему – нас. Невозможно было посмотреть в сторону угла, где лежали игрушки, там прежде Клэр и другие девочки развлекали Морри (и развлекались сами). А кто будет играть на пианино во время пения? Думаю, что в городе нашлось бы кому это делать, но просить об этом Чарлз Джейкобс не мог, и все равно получилось бы уже не то. Ведь уже не было бы развевающихся светлых волос Пэтси, когда она, раскачиваясь в такт, аккомпанировала таким жизнерадостным гимнам, как «Наш путь на вершину». Теперь ее светлые волосы тускнели на атласной подушке в темноте под землей.

В один из серых ноябрьских дней, когда мы с Терри наносили по трафарету на окна изображения индеек и рогов изобилия, телефон издал один длинный звонок и один короткий: это звонили нам. Мама ответила, немного поговорила и, положив трубку, улыбнулась нам с Терри:

– Звонил преподобный Джейкобс. Он сам будет вести службу в ближайшее воскресенье и прочитает проповедь ко Дню благодарения. Правда, замечательно?

Годы спустя, когда я учился в старших классах, а Клэр приехала домой на каникулы из Массачусетского университета, я спросил у сестры, почему никто не остановил его. Мы были на заднем дворе, раскачивали старую крышку. Она сразу поняла, что я имел в виду: та воскресная проповедь оставила шрам в душе каждого из нас.

– Мне кажется, потому, что он говорил вполне *разумно* и казался таким *нормальным*. А когда люди осознали, что именно он говорит, было уже слишком поздно.

Возможно, но я помнил, как Реджи Келтон и Рой Истербрук прервали его ближе к концу, и сам я понял – что-то не так – еще до того, как он начал. Он не произнес обычного «Да благословит Господь Его Святое слово», которым заканчивалось каждое чтение Библии. Он никогда этого не забывал, даже в тот день, когда мы только познакомились и он показывал мне маленького электрического Иисуса, бредущего по Мирному озеру.

Для чтения в день Ужасной проповеди он выбрал тринадцатую главу Первого послания к Коринфянам, тот же отрывок, что пастор Гивенс читал над расположенными бок о бок большой и маленькой могилами на «Уиллоу-гроув»: «Ибо мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится. Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое. Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан»^[3].

Он закрыл большую Библию на кафедре – не резко, но мы все услышали звук. Методистская церковь Западного Харлоу была в то воскресенье заполнена до отказа, все скамьи были заняты, но тишина воцарилась полная, никто даже не кашлянул. Я помню, как молился, чтобы он благополучно провел службу до конца и не разрыдался.

Сплетница Майра Харрингтон сидела в первом ряду, и я видел только ее спину, но отлично представлял, как блестят ее жадные глазки в заплывших жиром желтых глазницах. Наша семья сидела на своих обычных местах в третьем ряду. Лицо мамы было спокойным, но я заметил, как ее руки в белых перчатках сжимают большую Библию в мягком переплете с

такой силой, что она почти изогнулась буквой «U». Клэр невольно стерла всю помаду с губ. Молчание после чтения Священного Писания и до начала проповеди, которую в Харлоу потом называли не иначе как Ужасной, вряд ли длилось дольше пяти, максимум десяти секунд, но мне оно показалось целой вечностью. Наш священник склонил голову над огромной кафедральной Библией с блестящим золотым обрезом, а когда наконец поднял глаза, все увидели его ясный взгляд и исполненное покоя лицо, и по залу прокатился слабый вздох облегчения.

– Для меня это было тяжелое, непростое время, – произнес он. – Вам об этом хорошо известно – наша община очень сплоченная, и мы все знаем друг друга. Вы все старались меня поддержать, и я всегда буду вам за это благодарен. Но особую признательность я хотел бы выразить Лоре Мортон, которая сообщила мне известие о потере с таким тактом и таким участием.

Он кивнул ей. Она кивнула в ответ и улыбнулась, а затем подняла руку в белой перчатке, чтобы смахнуть слезу.

– Я провел большую часть времени между днем моей потери и этим воскресным утром в размышлениях и поиске. Мне бы хотелось добавить, *и в молитве*, но хотя я часто опускался на колени и пытался молиться, я не чувствовал присутствия Бога, так что пустоту заполнили лишь размышления и поиск.

Паства молчала. Все глаза были обращены на него.

– Я отправился в библиотеку Гейтс-Фоллз, чтобы взять подшивку «Нью-Йорк таймс», но там есть только «Уикли энтерпрайз». Тогда я поехал в Касл-Рок, где имеется подшивка на микропленках. «Ищите и обрящете», – учит нас святой Матфей, и он прав.

Раздалось несколько одобрительных смешков, которые тут же стихли.

– Я ходил туда каждый день, прокручивал микрофильмы, пока не начинала болеть голова, и теперь хочу поделиться с вами некоторыми своими открытиями.

Он вытащил из кармана черного пиджака стопку карточек.

– В июне прошлого года три небольших торнадо прокатились по городу Мэй, штат Оклахома. Пострадало имущество, но жертв среди людей не было. Горожане собрались в баптистской церкви, чтобы пропеть хвалебные гимны и вознести благодарственные молитвы. Пока они находились там, на город обрушился четвертый торнадо, на этот раз чудовищной силы – пятой категории по шкале Фудзиты, – и снес церковь. Сорок один человек погиб, а тридцать получили тяжелые увечья, в том числе дети, которым оторвало руки и ноги.

Он убрал карточку вниз стопки и взглянул на следующую.

– А об этом кое-кто из вас может помнить. В августе прошлого года мужчина с двумя сыновьями отправился на водную прогулку по озеру Уиннипесоки в штате Нью-Гэмпшир. В лодке с ними находилась их собака. Собака упала за борт, и оба мальчика бросились в воду, чтобы спасти ее. Увидев, что сыновья могут утонуть, отец тоже прыгнул в воду и случайно опрокинул лодку. Все трое погибли, а собака благополучно доплыла до берега. – Он поднял голову, и на мгновение его лицо озарила улыбка – совсем как луч солнца, неожиданно пробившийся сквозь толщу облаков в холодный январский день. – Я пытался выяснить, что случилось потом с собакой – оставила ли ее женщина, потерявшая мужа и сыновей, или велела умертвить, – но никакой информации так и не нашел.

Я незаметно бросил взгляд на братьев и сестру. Терри и Кон выглядели озадаченными, лицо Энди побелело от ужаса или гнева, а может, от того и другого. Его руки на коленях

сжались в кулаки. Клэр молча плакала.

Следующая карточка.

– Октябрь прошлого года. На берег возле Уилмингтона, штат Северная Каролина, обрушился ураган и убил семнадцать человек. В том числе шестерых детей, игравших в детском саду при церкви. Седьмой пропал без вести. Его тело нашли через неделю на дереве.

Другая карточка.

– Этот случай касается миссионерской семьи, которая помогала бедным едой и лекарствами и несла Слово Божие в стране, что раньше называлась Бельгийском Конго, а теперь, насколько мне известно, именуется Заир. Их было пятеро. Всех убили. В статье об этом напрямую не говорилось – как известно, «Нью-Йорк таймс» печатает только подобающие новости, – но намекалось, что убийцы, возможно, являлись каннибалами.

Услышав поднявшийся в зале ропот, главным вдохновителем которого был Реджи Келтон, Джейкобс поднял руку в жесте, похожем на благословение.

– Наверное, не стоит и дальше рассказывать о пожарах, наводнениях, землетрясениях, беспорядках и убийствах, хотя я мог бы. Мир полон ими. Тем не менее чтение подобных сообщений стало для меня определенным утешением, поскольку показывало, что я не одинок в своих страданиях. Однако утешение это весьма слабое, ведь смерти, подобные тем, что постигли мою жену и сына, кажутся жестокими и непонятными. Нам говорят, что Христос вознесся на небеса в своем теле, но мы, бедные земные смертные, слишком часто остаемся с безобразно изуродованной человеческой плотью и мучительным вопросом: почему? почему? *почему?*

Я читал Священное Писание всю свою жизнь – сначала на коленях матери, потом в Братстве методистской молодежи, затем в семинарии – и могу сказать, друзья мои, что нигде в Писании нет ответа на этот вопрос. Ближе всего Библия подходит к нему в словах апостола Павла в Послании к Коринфянам, где он говорит, обращаясь к братии, что спрашивать не нужно, ибо ответа они все равно не поймут. А когда Иов спросил об этом у самого Бога, то получил еще более резкий ответ: «Где был ты, когда Я полагал основания земли?» Что в переводе на язык наших юных прихожан означает: «Отвяжись, придурок».

На этот раз никто не засмеялся.

Он изучающе разглядывал нас, чуть улыбаясь. На его левой щеке играли два пятнышка синего и красного цвета от лучей солнца, пробившихся сквозь витраж.

– Религия должна приносить нам утешение в трудные времена. В Псалтири говорится, что Бог – наш жезл и наш посох. Он будет с нами, когда мы неизбежно отправимся в Долину смертной тени. Другой псалом утверждает, что Бог – наш заступник и сила, хотя люди, погибшие в той церкви в Оклахоме, могли бы с этим поспорить... если бы у них еще имелся для этого рот... А отец с двумя детьми, утонувшие, спасая домашнего питомца? Спросили ли они у Бога, что происходит? И почему? И ответил ли Он им: «Скажу через пару минут, парни», – в то время как вода заполняла их легкие, а смерть затуманивала сознание?

Давайте честно признаем, что имел в виду апостол Павел, когда говорил о тусклом стекле. Он имел в виду, что мы должны принять все на веру. Если наша вера сильна, мы попадем на небо, где все поймем. Как если бы жизнь была шуткой, соль которой нам предстоит узнать лишь в раю.

Теперь в церкви ясно слышались негромкие женские всхлипывания и недовольный гул мужских голосов. Но в тот момент никто не покинул церковь и не поднялся, требуя от преподобного Джейкобса замолчать и прекратить богохульствовать. Все были слишком

потрясены.

– Когда я больше не мог читать про эти, казалось бы, нелепые и зачастую жуткие смерти невинных людей, я занялся различными направлениями христианства. Боже, друзья, вы даже не представляете, как их много! Настоящий оплот вероучения! Католики, Протестантская епископальная церковь, Англиканская церковь в Америке, баптисты как консервативного, так и либерального толка, англиканцы, лютеране, пресвитерианцы, унитарии, Свидетели Иеговы, адвентисты Седьмого дня, квакеры, шекеры, Греческая православная церковь, православные церкви Востока, не говоря уж о Церкви Силома и еще полусотне других.

Здесь, в Харлоу, абоненты пользуются общими телефонными линиями, и мне кажется, что религия является самым мощным проводом коллективного пользования. Только представьте, какие перегрузки эти линии связи с Царством Небесным должны испытывать в воскресенье утром! А вы знаете, что меня поражает больше всего? Что каждая церковь учения Христа уверена, что только она обладает линией *прямой связи* со Всевышним. И я даже не упомянул о мусульманах, или иудеях, или теософах, или буддистах, или тех, кто поклоняется самой Америке так же горячо, как немцы поклонялись Гитлеру на протяжении восьми или десяти кошмарных лет.

Вот тогда люди и стали выходить из церкви. Сначала немногие с задних рядов, опустив головы и сторбившись (как будто их высекли), потом еще и еще. Преподобный Джейкобс, казалось, не обратил на них внимания.

– Некоторые из этих сект и конфессий являются мирными, но самые крупные – и самые *успешные* – построены на крови, костях и криках тех, кто имел наглость не признать их представления о Боге. Римляне скармливали христиан львам; христиане расчленяли тех, кого считали еретиками, колдунами или ведьмами; Гитлер принес миллионы евреев в жертву ложному богу расовой чистоты. Миллионы людей были сожжены, расстреляны, повешены, подвергнуты пыткам, отравлены, казнены на электрическом стуле, затравлены собаками... и все во имя Бога.

Мама уже плакала в голос, но я не смотрел на нее. Я не мог. Я застыл на месте. От ужаса, да, конечно. Мне было всего девять лет. Но во мне зарождалось какое-то дикое ликование от ощущения, что наконец-то я слышу голую, ничем не приукрашенную правду. С одной стороны, мне хотелось, чтобы он остановился, но с другой – я иступленно желал, чтобы он продолжал. И мое желание сбылось.

– Христос учил нас подставлять другую щеку и любить своих врагов. На словах мы с этим согласны, но многие из нас, получив удар, стараются ответить тем же. Христос изгнал меня из храма, но все мы знаем, что эти умельцы сорвать куш никогда не исчезают надолго. И если вам приходилось участвовать в потрясающей игре в бинго, организованной церковью, или вы слышали по радио проповедника, просящего денег, то отлично знаете, что я имею в виду. Исайя пророчествовал, что настанет день, когда мы перекуем мечи на орала, но в наш нынешний темный век мы сумели перековать их лишь в атомные бомбы и межконтинентальные баллистические ракеты.

Реджи Келтон поднялся. Его лицо было настолько же багровым, насколько белым стало лицо Энди.

– Я прошу вас сесть, преподобный. Вы не в себе.

Преподобный Джейкобс не стал садиться.

– И что мы получаем за нашу веру? За все века, что мы отдали этой церкви, за все наши кровавые жертвы и дары? Заверения, что в конце всего этого нас ждет рай, а когда мы там

окажемся, нам все объяснят, и тогда мы воскликнем: «О да! *Вот теперь* мне все понятно». Вот в чем состоит награда. Это вбивается нам в головы с самых ранних дней: Царство Небесное, Царство Небесное, Царство Небесное! Мы увидим своих потерянных детей, наши любимые матери заключат нас в объятия. Это – пряник. А палка, которой нас бьют, это ад, ад, ад! Преисподняя вечного проклятия и мучения. Мы рассказываем детям, столь же юным, как мой любимый утраченный сын, что они рискуют гореть в вечном огне, если украдут грошовый леденец или солгут о том, где промочили новые ботинки.

Не существует никаких доказательств, что после смерти есть только два этих пути, нет никаких научных подтверждений. Имеются только слова, подкрепленные нашим страстным желанием верить, что *все это не напрасно*. Но когда я стоял в задней комнате похоронного бюро Пибоди и смотрел на изувеченные останки моего мальчика, мечтавшего поехать в Диснейленд гораздо больше, чем попасть в рай, на меня снизошло откровение. Религия является богословским аналогом страхового мошенничества с целью наживы. Это все равно что на протяжении всей своей жизни платить страховые взносы так же исправно, как читаешь «Отче наш» – прощу прощения за каламбур, – а когда настанет время получить страховую премию, узнать, что фирмы, которая взяла ваши деньги, на самом деле не существует.

Вот тогда со своего места в быстро пустеющей церкви поднялся Рой Истербрук. Это был небритый верзила, обитавший в ржавом трейлере в восточной части города, неподалеку от дороги на Фрипорт. Обычно он являлся в церковь только на Рождество, но сегодня сделал исключение.

– Преподобный, – сказал он, – я слышал, что в бардачке вашей тачки была бутылка самогона. И Мерт Пибоди говорил, что, когда он склонился над вашей женой, чтобы привести ее в порядок, от нее разлило спиртным. Вот и ответ на все вопросы. У вас кишка тонка принять волю Бога? Ладно, но только не надо грузить других. – С этими словами Истербрук повернулся и, тяжело ступая, вышел.

Джейкобс замер. Он стоял, вцепившись в кафедру, с горящими на бледном лице глазами, сжав губы с такой силой, что рта не было видно.

Тогда поднялся мой папа:

– Чарлз, хватит.

Преподобный Джейкобс тряхнул головой, будто желая обрести ясность мыслей.

– Да, – согласился он. – Вы правы, Дик. Что бы я ни сказал, все равно это ничего не изменит.

Но он ошибался. Во всяком случае, в отношении одного маленького мальчика.

Преподобный сделал шаг назад, окинул зал взглядом, будто не понимая, где находится, а затем снова шагнул вперед, хотя в церкви осталась только наша семья, дьяконы и Сплетница, которая по-прежнему восседала в переднем ряду, поблескивая глазками.

– И последнее. Мы приходим из тайны и в тайну уходим. Может, там действительно что-то есть, но я держу пари, что это не тот Бог, каким Его понимает любая церковь. И грызня соперничающих верований это только подтверждает. Они отрицают друг друга, вот и все. Если вам нужна правда, сила более могущественная, чем вы сами, посмотрите на молнию – миллиард вольт в каждом разряде, сотня тысяч ампер и *пятьдесят тысяч градусов по Фаренгейту*. Вот где действительно высшая сила, не вызывающая сомнений. Но здесь, в этом здании? Нет. Вы можете верить во что хотите, но говорю вам: за тусклым стеклом апостола Павла нет ничего, кроме лжи.

Он спустился с кафедры и вышел через боковую дверь. Семья Мортон сидела в тишине, словно после взрыва бомбы.

Когда мы вернулись домой, мама ушла в спальню и закрыла дверь, попросив ее не беспокоить. Она провела там всю оставшуюся часть дня. Клэр приготовила ужин, и мы поели, почти не разговаривая. Энди попытался было привести цитаты из Библии, полностью опровергавшие слова преподобного, но папа велел ему «закрыть свою варежку». Увидев, как отец засунул руки глубоко в карманы, Энди прикусил язык.

После ужина папа отправился в гараж, где возился с «Дорожной ракетой II». На этот раз Терри – его неизменный помощник, почти прислужник – не пошел с ним, так что это сделал я... хотя и не без колебаний.

– Пап? Можно задать тебе вопрос?

Он лежал под «Ракетой», держа в руке фонарь в защитном кожухе. Из-под машины торчали только его ноги в рабочих штанах цвета хаки.

– Думаю, что да, Джейми. Но если это по поводу утреннего бесчинства, то лучше не открывай *свою* варежку. Я не хочу говорить об этом. Не сегодня. Завтра будет достаточно времени. Нам придется подать петицию в Методистскую конференцию Новой Англии с требованием его уволить, а *им* придется передать дело на рассмотрение епископа Мэтьюса в Бостоне. Это полная хрень, а если ты проболтаешься матери, что я так при тебе выразился, мне влетит по первое число.

Я не знал, имел ли мой вопрос отношение к Ужасной проповеди, но должен был его задать:

– То, что сказал мистер Истербрук, правда? Она пила?

Свет от лампы замер. Потом отец выкатился из-под машины, чтобы видеть меня. Я боялся, что разозлил его, но он не злился. Он печалился.

– Люди шептались об этом, а теперь, когда этот болван Истербрук выложил все прямым текстом, думаю, разговоров станет намного больше. Но вот что я скажу, Джейми: *это не имеет значения*. У Джорджа Бартона был эпилептический припадок, и он выехал на встречную полосу, а она выезжала из-за слепого поворота. Вот и все. Не имеет значения, была она трезвая или мертвецки пьяная. Такого столкновения не смог бы избежать даже сам Марио Андретти^[4]. Но в одном преподобный прав: люди всегда хотят знать причины несчастий. А иногда их просто нет. – Он поднял свободную руку и, ткнув в меня перепачканным смазкой пальцем, добавил: – Все остальное – просто пустая болтовня убитого горем человека, так и знай.

В среду перед Днем благодарения все школы в нашем округе учились полдня, но я обещал миссис Моран, что останусь вымыть доски и убрать в нашей маленькой библиотеке, состоявшей из потрепанных книг. Когда я сообщил об этом маме, она рассеянно махнула рукой и сказала, чтобы я вернулся домой к ужину. Она ставила индейку в духовку, но я знал, что это не для нас: для семи человек индейка была слишком маленькой.

Как выяснилось, Кэти Палмер (истинная учительская любимица) тоже осталась помочь, и вместе мы справились всего за полчаса. Я подумал, не пойти ли домой к Элу или Билли поиграть в войну, но знал, что они заведут разговор об Ужасной проповеди и о том, как миссис Джейкобс убила себя и Морри, будучи в стельку пьяной. К тому времени этот слух уже воспринимался как достоверный факт. Я не хотел вести таких разговоров и потому

направился домой. В тот не по сезону теплый день окна в доме были открыты, и я услышал, как спорили мама с сестрой.

– Почему я *не могу* пойти? – спрашивала Клэр. – Я хочу, чтобы он знал: в нашем глупом городе еще остались люди, которые по-прежнему на его стороне!

– Мы с отцом считаем, что дети должны держаться от него подальше, – ответила мама. Они были на кухне, и я остановился под окном.

– Я больше не *ребенок*, мама. Мне семнадцать лет!

– Извини, но в семнадцать лет ты все еще ребенок, и визит к нему молодой девушки будет выглядеть неприлично. Просто поверь мне на слово.

– А если пойдешь ты, то это нормально? Ведь тебя наверняка увидит Сплетница и за двадцать минут раззвонит об этом всем по телефону! Если ты собираешься пойти, возьми меня с собой!

– Я сказала нет, и это не обсуждается.

– Но он вернул Кону голос! – не сдавалась Клэр. – Как можно быть такой неблагодарной?

Повисла долгая пауза, а потом мама ответила:

– Вот поэтому я и собираюсь к нему пойти. Не для того, чтобы отнести угощение на завтра, а просто хочу показать, что мы благодарны, несмотря на все те ужасные слова, которые он говорил.

– Ты знаешь, почему он это говорил! Он только что потерял жену и сына и был не в себе!

– Я это знаю. – Теперь мама говорила тише, и мне приходилось напрягаться, чтобы услышать, потому что Клэр плакала. – Но это не меняет того, в какой шок он поверг людей. Он зашел слишком далеко. *Слишком*. Он уезжает на следующей неделе, и это к лучшему. Если знаешь, что увольнение неизбежно, лучше уволиться самому. Это позволяет сохранить немного самоуважения.

– Уволен дьяконами, полагаю, – почти с издевкой произнесла Клэр. – А это значит, папой тоже.

– У твоего отца не было выбора. Если ты *не ребенок*, то должна понимать и пожалеть его хоть немного. Это разрывает Дику сердце.

– Что ж, ступай, – сказала Клэр. – Посмотришь, смогут ли несколько кусочков индейки и сладкий картофель компенсировать то, как с ним обращаются. Бьюсь об заклад, он даже к ним не притронется.

– Клэр... медвежонок...

– *Не называй меня так!* – крикнула сестра, и я услышал, как она бросилась к лестнице. Немного подуется и поплачет у себя в спальне, а потом успокоится, как уже было пару лет назад, когда мама сказала, что в пятнадцать лет девушка еще слишком молода, чтобы ехать с Донни Кантуэллом в кинотеатр под открытым небом.

Я решил ретироваться на задний двор и дожждаться ухода мамы. Качался на крыше, не особо скрываясь, но и не привлекая к себе внимания. Через десять минут я услышал, как хлопнула входная дверь. Выглянул из-за угла дома и увидел на дороге маму с закрытым фольгой подносом. Фольга сверкала на солнце. Потом я вошел в дом, поднялся по лестнице и постучал в дверь комнаты сестры, украшенную большим постером с Бобом Диланом.

– Клэр?

– Уходи! – крикнула она. – Я не хочу с тобой разговаривать! – Поставила пластинку «Yardbirds» и включила проигрыватель на полную громкость.

Мама вернулась примерно через час – довольно долгий визит для простой передачи угощения, – и хотя мы с Терри уже были в гостиной и смотрели телевизор, воюя за лучшее место на стареньком диване (в самой середине, где пружины не впивались в зад), она, казалось, нас не замечала. Кон наверху играл на гитаре, которую ему подарили на день рождения. И пел.

* * *

Провести службу в воскресенье после Дня благодарения прислали Дэвида Томаса из Гейтс-Фоллз. Церковь снова заполнилась до отказа, возможно, потому, что людям было интересно, не появится ли преподобный Джейкобс, чтобы сказать еще пару-другую ужасных вещей. Но он не появился. Не сомневаюсь, что, если бы он это сделал, его бы немедленно заставили замолчать, а то и вытолкали из церкви. Янки относятся к религии серьезно.

На следующий день, в понедельник, я вернулся домой из школы не шагом, как обычно, а пробежал всю четверть мили бегом. У меня возник план, и я хотел оказаться дома до появления школьного автобуса. Увидев Кона, я схватил его и затащил на задний двор.

– Какая муха тебя укусила? – спросил он.

– Ты должен пойти со мной в дом священника, – ответил я. – Преподобный Джейкобс скоро уезжает, может, даже завтра, и нам надо с ним увидеться до отъезда. Мы должны ему сказать, что по-прежнему любим его.

Кон отстранился от меня и даже отряхнул спереди свою футболку в стиле «Лиги плюща», словно боялся, что я оставил на ней заразу.

– Ты спятил? Я не пойду. Он сказал, что никакого Бога нет.

– Но он вылечил тебя электричеством и вернул тебе голос.

Кон неуверенно пожал плечами:

– Он бы все равно вернулся. Так сказал доктор Рено.

– Он сказал, что через неделю или две. И это было в феврале. А в апреле ты по-прежнему не мог говорить. *Два месяца спустя.*

– И что? Просто немного затянулось, вот и все.

Я не верил своим ушам.

– Ты что, сдрейфил?

– Еще раз так скажешь, и я тебе врежу!

– Неужели так трудно хотя бы поблагодарить?

Он залился краской и уставился на меня, поджав губы.

– Мы не должны с ним встречаться. Так сказали родители. Он сумасшедший, а может, и пьяница, как его жена.

Я лишился дара речи. К глазам подступили слезы, но не от горя, а от ярости.

– И потом, – добавил Кон, – мне надо натаскать дров, иначе попадет. Так что заткнись, Джейми.

С этими словами он ушел. Мой брат, ставший одним из самых известных астрономов мира – в 2011 году он открыл четвертого двойника Земли, планету, на которой может быть жизнь, – ушел, оставив меня одного. И больше никогда не упоминал о Чарлзе Джейкобсе.

На следующий день, во вторник, я снова побежал к шоссе, как только нас отпустили из

школы. Но бежал я не домой.

Возле дома священника стоял новый автомобиль. Вообще-то не совсем новый – «форд-фэйрлейн» 1958 года, с ржавыми порожками и треснутым боковым стеклом. Крышка багажника была поднята, и, заглянув туда, я увидел два чемодана и громоздкое устройство, которое преподобный Джейкобс показывал нам на одном из вечерних четверговых заседаний БММ, – осциллограф. Сам Джейкобс находился в сарае-мастерской. Оттуда доносился шум.

Я стоял возле его нового старого автомобиля, вспоминая о «бельведере», который теперь превратился в груды обгоревшего металла, и почти решился рвануть домой. Интересно, что в моей жизни сложилось бы иначе, если бы я так и сделал? Писал бы я сейчас эти строки? Но знать это никому не дано. Апостол Павел был прав, когда говорил о тусклом стекле. Мы смотрим сквозь него всю свою жизнь и не видим ничего, кроме собственного отражения.

Вместо того чтобы убежать, я собрался с духом и направился в сарай. Преподобный укладывал электрооборудование в деревянный ящик от апельсинов, заполняя пустоты большими листами мятой коричневой бумаги, и сначала меня не заметил. Он был одет в джинсы и простую белую рубашку. Пасторский воротничок исчез. Как правило, дети редко замечают изменения во внешности взрослых, но даже мне, девятилетнему мальчику, бросилось в глаза, как сильно похудел Джейкобс. Он стоял в колонне солнечного света и, услышав, как я вошел, поднял глаза. На его лице появились новые морщины, но при виде меня он улыбнулся, и морщины исчезли. Улыбка была такой печальной, что у меня защемило сердце.

Не размышляя, я бросился к нему. Он открыл объятия, подхватил меня, поднял и поцеловал в щеку.

– Джейми! – воскликнул он. – Ты – Альфа и Омега!

– Чего?

– Откровение святого Иоанна Богослова, глава первая, стих восьмой. «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец». Ты был первым ребенком, которого я встретил, когда приехал в Харлоу, и ты – последний. Как же я рад тебя видеть!

Я расплакался. Я не хотел, но ничего не мог с собой поделать.

– Мне так жаль, преподобный Джейкобс. Так жаль. Вы были правы в церкви: это несправедливо.

Он поцеловал меня в другую щеку и опустил на землю.

– Не думаю, что выразился столь однозначно, но суть ты уловил верно. Однако не надо принимать все, что я тогда сказал, всерьез. Я был не в себе. И твоя мама это знала. Она сказала мне об этом, когда принесла чудесное угощение на День благодарения. И пожелала мне всего самого доброго.

От этих слов мне стало легче.

– И она дала мне хороший совет: уехать подальше от Харлоу, штат Мэн, и начать все сначала. Она сказала, что я могу снова обрести веру на новом месте. В этом я сильно сомневаюсь, но в отношении отъезда она точно права.

– Я больше никогда вас не увижу.

– Не говори так, Джейми. В нашем мире пути постоянно пересекаются, иногда в самых неожиданных местах. – Он вынул из заднего кармана носовой платок и вытер слезы с моего лица. – В любом случае я буду помнить тебя. Надеюсь, что и ты будешь вспоминать обо мне время от времени.

– Обязательно, – пообещал я и добавил: – Тут и к гадалке не ходи.

Джейкобс вернулся к верстаку – печально опустевшему – и закончил паковать последние устройства – пару больших квадратных батарей, которые он называл «сухими элементами». Закрыв крышку ящика, он принялся перевязывать его двумя прочными веревками.

– Конни хотел прийти со мной, чтобы сказать спасибо, но у него сегодня... хм... кажется, футбольная тренировка. Что-то вроде этого.

– Все в порядке. Не думаю, что я чем-то ему помог.

Я был потрясен.

– Да вы же вернули ему голос! С помощью своего прибора!

– Ах да. Мой прибор. – Преподобный завязал узел на второй веревке и затянул. Его рукава были закатаны, и я увидел, как под кожей играют накачанные мышцы. Я никогда не замечал их раньше. – Электрический стимулятор нервов.

– Вам надо продать его, преподобный Джейкобс! И заработать кучу денег!

Он облокотился на ящик, подпер рукой подбородок и посмотрел на меня.

– Ты так считаешь?

– Да!

– Я сильно в этом сомневаюсь. Как и в том, что мой прибор излечил твоего брата. Видишь ли, я собрал его в тот самый день. – Он засмеялся. – И снабдил очень маленьким японским моторчиком, который позаимствовал у игрушечного робота Морри.

– Правда?

– Правда. Сама *идея* наверняка стоящая, я в этом не сомневаюсь. Но приборы, построенные в спешке, без проведения проверочных экспериментов на разных этапах, крайне редко бывают успешными. И все же я верил, что у нас есть шанс, потому что никогда сомневался в первоначальном диагнозе доктора Рено. Это было простое растяжение нерва, не более того.

– Но...

Джейкобс поднял ящик. Мышцы на руках напряглись, а вены вздулись.

– Пойдем, малыш. Проводи меня.

Я последовал за ним к машине. Он поставил ящик возле заднего крыла, осмотрел багажник и сказал, что чемоданы надо переложить на заднее сиденье.

– Можешь захватить маленький, Джейми? Он не тяжелый. Дальнее путешествие лучше совершать налегке.

– А куда вы едете?

– Понятия не имею, но я думаю, что пойму: вот то самое место – когда окажусь там. Если, конечно, машина не сломается раньше. Она пьет столько масла, что может выпить весь Техас.

Мы пристроили чемоданы на заднем сиденье «форда». Преподобный Джейкобс с кряхтением водрузил большой ящик в багажник. Захлопнув крышку, оперся на нее и внимательно на меня посмотрел.

– У тебя замечательная семья, Джейми, и замечательные родители, которым вы по-настоящему дороги. Если бы я попросил их описать вас, они бы наверняка сказали, что Клэр заботливая, Энди любит командовать...

– *В самую точку!*

Он усмехнулся.

– В каждой семье есть такой. Они бы сказали, что Терри любит технику, а ты – фантазер. А что бы они сказали о Конне?

– Ученый. Или, может, певец, с тех пор как у него появилась гитара.

– Возможно, но я уверен, что родители вряд ли подумают об этом в первую очередь. Ты видел ногти Кона?

Я засмеялся.

– Он грызет их как псих. Однажды папа обещал ему доллар, если он не будет грызть их неделю, но он не смог!

– Кон очень нервный, Джейми, вот что скажут твои родители, если будут до конца честными. Такие, как он, к сорока годам зарабатывают язву. Получив удар палкой по шее и потеряв голос, он начал переживать, что это навсегда. И когда голос долго не восстанавливался, он внушил себе, что уже никогда не заговорит.

– Но доктор Рено сказал...

– Доктор Рено – хороший врач. Добросовестный. Он приезжал сюда по первому зову, когда Морри заболел корью, и потом, когда у Пэтси... в общем, были женские проблемы. Лечил их обоих, как настоящий профи. Но у него нет той ауры уверенности, какой обладают лучшие врачи. Которым достаточно сказать, что все это чепуха и быстро пройдет.

– Но он *действительно* это говорил!

– Да, но Конрад не поверил, потому что Рено не умеет убеждать. Он умеет лечить тело, но не голову. А именно в голове происходит половина исцеления. Если не больше. Кон думал: «Он сейчас лжет, чтобы я привык к жизни без голоса. А потом скажет правду». Вот как устроен твой брат, Джейми. Именно так. Он живет на нервных окончаниях, а против таких людей может обернуться их собственный разум.

– Он отказался идти сегодня со мной, – признался я. – Я солгал насчет него.

– Правда? – Джейкобс не выглядел удивленным.

– Да. Я предлагал ему, но он испугался.

– Не сердись на него за это, – сказал Джейкобс. – Испуганные люди живут в своем собственном аду. Можно сказать, они создают его сами – как Кон со своей немотой, – но не могут ничего с этим поделать. Так уж они устроены и заслуживают за это сочувствия и сострадания.

Он бросил взгляд на дом, который уже выглядел заброшенным, и вздохнул. Затем повернулся ко мне:

– Не исключено, что ЭСН *действительно* что-то сделал – у меня есть все основания полагать, что сама идея верна, – но я правда в этом сомневаюсь. Джейми, я думаю, что обманул твоего брата. Развел его, если хочешь. Этим приемам обучают в семинарии, только там их называют укреплением веры. У меня всегда это здорово получалось, вызывая одновременно и стыд, и восторг. Я сказал твоему брату ждать чуда, а потом пустил ток и привел в действие свой хваленый чудо-прибор. Как только я увидел, что у него задергались губы, он заморгал, я понял, что это сработает.

– Потрясающе! – изумился я.

– Да уж! И довольно мерзко.

– Что?

– Не важно. Главное, ты никогда не должен ему об этом рассказывать. Скорее всего это не лишит его голоса, но такая вероятность существует. – Джейкобс взглянул на часы. – Ну вот! Похоже, время нашей беседы подошло к концу, иначе я не успею добраться до Портсмута к вечеру. А тебе лучше вернуться домой. И пусть твой сегодняшний приход ко мне останется нашим маленьким секретом. Договорились?

– Договорились.

– Ты же не проходил мимо дома Сплетницы, верно?

Я закатил глаза, будто удивляясь глупости вопроса, и Джейкобс снова рассмеялся. Мне нравилось, что я мог заставить его смеяться, несмотря ни на что. – Я срезал путь через поле Марстеллара.

– Молодец!

Я не хотел уходить сам и не хотел, чтобы уезжал *он*.

– А можно задать еще один вопрос?

– Давай, только быстро.

– Когда вы читали... хм... – Я запнулся, поскольку произносить слово «проповедь» почему-то казалось мне опасным. – Когда вы выступали в церкви, то сказали, что у молнии пятьдесят тысяч градусов. Это правда?

Его лицо оживилось, как бывало всякий раз, когда речь заходила об электричестве. Его коньке, как сказала бы Клэр. И навязчивой идее, по мнению папы.

– Чистая правда! Если не считать землетрясения и цунами, удар молнии является, наверное, самой мощной силой в природе. Мощнее торнадо и намного мощнее ураганов. Ты когда-нибудь видел, как молния бьет в землю?

Я покачал головой:

– Только в небе.

– Это красиво. Красиво и страшно. – Он взглянул на небо, будто хотел увидеть молнию, но оно в тот день было синим – лишь похожие на комья ваты маленькие редкие облачка медленно плыли на юго-запад. – Если когда-нибудь тебе захочется увидеть молнию вблизи... Ты знаешь, где находится Лонгмидоу?

Конечно, я знал. На полпути вверх по дороге, ведущей к курорту «Козья гора», располагался общественный парк. Это и был Лонгмидоу. Оттуда открывался вид на восток. В особенно ясный день можно было разглядеть пустыню штата Мэн неподалеку от Фрипорта. А иногда даже Атлантический океан за ней. Наша группа БММ каждый август отправлялась в Лонгмидоу и устраивала там пикник.

Он продолжил:

– Если направиться вверх по дороге в Лонгмидоу, то там будет сторожка у ворот курорта «Козья гора»...

– ...куда пускают только членов клуба и их гостей.

– Верно. Классовая система в действии. Но чуть не доезжая сторожки есть гравийная дорога, уходящая налево. Ездить по ней может каждый, потому что она проходит по общественной земле. Примерно через три мили она упирается в смотровую площадку, которая называется «Крыша неба». Я никогда не водил вас туда, потому что там опасно – гранитный склон, а за ним обрыв с пропастью глубиной две тысячи футов. Там нет никакого ограждения, есть только знак, предупреждающий, что следует держаться подальше от края. На вершине «Крыши неба» установлен железный штырь высотой двадцать футов, прочно вбитый в скалу. Я понятия не имею, кто его установил и зачем, но это было очень и очень давно. Казалось бы, он должен был насквозь проржаветь, но это не так. А знаешь *почему*?

Я покачал головой.

– Потому что в него много-много раз ударяла молния. «Крыша неба» – особое место. Оно *притягивает* молнии, и этот стержень является центром притяжения.

Он мечтательно смотрел в сторону Козьей горы. Конечно, она была не такой высокой,

как Скалистые горы (или даже Белые горы в штате Нью-Гэмпшир), но возвышалась над холмами Западного Мэна.

– Раскаты грома там сильнее, Джейми, а облака ближе. Наползающие грозовые тучи заставляют человека чувствовать себя совсем маленьким, а когда его одолевают проблемы... или мучают сомнения... чувствовать себя маленьким и незаметным не так уж плохо. Ты понимаешь, что вот-вот ударит молния, когда вдруг перестает хватать воздуха для дыхания. Не знаю, как описать это чувство... это как... горение без пламени. Волосы встают дыбом, на грудь наваливается тяжесть. Кожа начинает подрагивать. Ты ждешь, а когда раздается гром, он не грохочет, а *трещит*, словно ветки, ломающиеся под тяжестью снега, только в сто раз громче. Наступает тишина... а затем раздается щелчок, похожий на те, что издают старомодные выключатели. Рев грома раскатывается, и появляется молния. Смотреть на нее надо искоса, иначе вспышка ослепит тебя, и ты не увидишь, как железная мачта из черной становится пурпурной, сначала раскалившись добела, а потом постепенно краснея, будто подкова в кузнице.

– Ничего себе! – воскликнул я.

Он моргнул и очнулся. Затем пихнул ногой колесо своей новой старой машины.

– Извини, малыш. Иногда я увлекаюсь.

– Звучит удивительно.

– Это более чем удивительно. Поднимись туда, когда подрастешь, и увидишь сам. Только будь осторожен рядом с мачтой. От ударов молнии там полно мелкой щебенки, и если начнешь скользить, то можешь и не остановиться. А теперь, Джейми, мне действительно пора в путь.

– Жаль, что вам надо уезжать. – Слезы вновь подступили к глазам, но я удержался и не расплакался.

– Я понимаю и очень тронут, но ты и сам знаешь – если бы да кабы... – Он развел руки. – А теперь обними меня на прощание.

Я крепко обнял его, глубоко вдыхая и стараясь запомнить запах мыла и средства для укрепления волос «Виталис», каким пользовался и мой отец. А теперь еще и Энди.

– Ты был моим любимцем, – прошептал он мне на ухо. – Это еще один секрет, о котором тебе не стоит никому рассказывать.

Я только кивнул. Говорить, что Клэр уже знала, я не счел нужным.

– Я оставил для тебя кое-что в подвале, – сказал он. – Если захочешь. Ключ под ковриком на пороге.

Он опустил меня на землю, поцеловал в лоб и открыл водительскую дверцу.

– Эта тачка хромает на четыре колеса, приятель, – сказал он, подражая янки, заставив меня невольно улыбнуться, хотя на душе было очень тяжело. – Но есть надежда, что она меня не угробит и дотащит до места.

– Я люблю вас, – сказал я.

– Я тоже тебя люблю, – отозвался он. – И больше не плачь обо мне, Джейми. У меня и так сердце разбито.

Я не плакал, пока он не уехал. Я стоял и смотрел, как его машина выезжает на дорогу, и провожал ее взглядом, пока она не скрылась из виду. А потом пошел домой. В то время у нас на заднем дворе еще стояла ручная помпа, и я умылся ледяной водой, прежде чем войти в дом. Я не хотел, чтобы мама заметила, что я плакал, и стала спрашивать почему.

Полностью убрать и подготовить дом для нового священника, удалив все следы пребывания в нем семейства Джейкобсов, надлежало женщинам из группы помощи, но папа сказал, что никакой спешки нет. Колеса Методистской епархии Новой Англии крутились медленно, и нам повезет, если нового священника назначат к будущему лету.

– Пусть все немного уляжется, – попросил папа, и женская группа с удовольствием откликнулась на просьбу. Они приступили к работе метлами, щетками и пылесосами только после Рождества (проповедь мирянина в том году доверили читать Энди, и родители сияли от гордости). Дом священника все это время стоял пустым, и ребята в школе даже стали поговаривать, что в нем поселились призраки.

Однако один посетитель в него наведалься. Им был я. Как-то в субботу я снова прошел через кукурузное поле Дорранса Марстеллара, чтобы избежать бдительного ока Сплетницы Харрингтон. Достал из-под коврика ключ и открыл дверь. Было страшно. Я смеялся над рассказами о живущих в доме привидениях, но, оказавшись внутри, вдруг представил, что сейчас обернусь и увижу взявшихся за руки Пэтси и Морри-Хвостика, пучеглазых и разлагающихся.

Не будь дураком, сказал я себе. Они сейчас либо в другом месте, либо вообще нигде, как говорил преподобный Джейкобс. Так что перестань бояться и не будь трусом.

Но я не мог перестать по-дурацки трусить, как не мог унять боль в желудке, когда обедался хот-догами субботним вечером. Однако я не убежал. Я хотел посмотреть, что он мне оставил. Я *должен был* это узнать. Так что я подошел к двери, на которой все еще висел плакат (на нем Иисус держал за руки детей, похожих на Дика и Джейн из моего старого учебника для первого класса) с надписью «Пустите детей и не препятствуйте им приходиться ко Мне».

Я включил свет, спустился вниз по лестнице и окинул взглядом сложенные у стены стулья, пианино с опущенной крышкой и игровой уголок, где на маленьком столике теперь не было ни домино, ни книжек-раскрасок с фломастерами. Но Мирное озеро красовалось на своем месте, а с ним и маленький деревянный ящик с электрическим Иисусом внутри. Преподобный оставил мне их, и я был ужасно разочарован. И все же я открыл ящик и достал электрического Иисуса. Я поставил его на край озера, туда, где, как я знал, начиналась металлическая планка с желобком, и сунул руку ему под одежду, чтобы включить. И тут меня захлестнула такая волна ярости, какой я еще не испытывал в своей недолгой жизни. Она была похожа на удар молнии в «Крышу неба», как об этом рассказывал преподобный Джейкобс. Я размахнулся и со всей силы кинул фигурку в стену.

– Ты ненастоящий! – крикнул я. – Ты ненастоящий! Это все одни фокусы! Будь ты проклят, Иисус! Будь ты проклят! Проклят, проклят, проклят!

Я рванулся вверх по лестнице, почти ничего не видя от слез.

Нового священника нам так и не прислали. Некоторые местные пасторы пытались организовать замену, но посещаемость упала почти до нуля, и в тот год, когда я учился в выпускном классе, нашу церковь заперли и заколотили. Но меня это не волновало. Моя вера исчерпала себя. Я понятия не имею, что стало с Мирным озером и электрическим Иисусом. В следующий раз, когда я оказался в подвале дома священника, где проходили наши собрания БММ – а это случилось через очень много лет, – он был абсолютно пустым. Таким же пустым, как небо.

IV. Две гитары. «Chrome Roses». Молния на «Крыше неба»

Когда мы окидываем взглядом прожитую жизнь, нам кажется, что ее течение было закономерным. Каждое событие начинает выглядеть логичным, будто что-то или кто-то заранее расписал все наши поступки (и проступки). Взять хотя бы старика-сквернословия, который, сам того не ведая, предрешил то, чем я стану заниматься целую четверть века. Это Провидение или просто случай? Я не знаю. Как я могу знать? Я там даже не был в тот вечер, когда Гектор-Цирюльник отправился искать свою старую гитару «Силвертон». Раньше я бы сказал, что наши жизненные пути определяет случай: сначала произошло одно, затем другое, и потому случилось третье. Теперь я знаю – это не так.

Нами движут Силы.

В 1963 году, до того как на сцену ворвались «Beatles», Америку охватил короткий, но бурный период настоящей одержимости фолк-музыкой. Столь вовремя появившееся телешоу «Хутенэнни» устраивало встречи с такими белыми исполнителями музыки черных, как «Chad Mitchell Trio» и «New Christy Minstrels». (Белых *комми* вроде Пита Сигера и Джоан Баэз туда не приглашали.) Мой брат Конрад был лучшим другом старшего брата Билли Пэкетта Ронни, и каждую субботу вечером они вместе смотрели это шоу дома у Пэкеттов.

В то время дед Ронни и Билли жил с ними. Все знали его как Гектора-Цирюльника, потому что он занимался этим ремеслом почти пятьдесят лет, хотя представить его в этой роли было довольно трудно. Считается, что парикмахеры, как и бармены, отличаются располагающей к себе общительностью, а Гектор-Цирюльник редко открывал рот. Он просто сидел в гостиной, потягивая кофе, в который подливал виски, и курил сигары «Типарилло». Их запахом пропитался весь дом. Если он что-то и говорил, то обязательно приправлял свою речь какой-нибудь непристойностью.

Но шоу «Хутенэнни» ему нравилось, и он всегда смотрел его с Коном и Ронни. Однажды вечером, когда какой-то белый парень пел, что ему грустно, поскольку от него ушла подруга, Гектор-Цирюльник фыркнул и сказал:

– Дерьмо, ребята, ни хрена это не блюз.

– Ты это о чем, дед? – поинтересовался Ронни.

– Блюз – музыка изгоев. А парень поет так, будто только что надул в кровать и теперь боится, что мать узнает.

Мальчишки засмеялись, отчасти от восхищения, отчасти от изумления, что Гектор выступил в роли музыкального критика.

– Сейчас, – сказал он и медленно поднялся по лестнице, подтягиваясь за перила шишковатой рукой. Он отсутствовал так долго, что ребята почти забыли о нем, но вернулся с видавшей виды гитарой «Силвертон» на шее. Потертый корпус был перехвачен лохматым соломенным жгутом, колки погнуты. Дед с ворчанием сел, громко испортив воздух, и пристроил гитару на костлявых коленях.

– Выключи это дерьмо, – велел он Ронни.

Ронни послушался, тем более что передача все равно заканчивалась.

– А я и не знал, что ты умеешь играть, дед, – сказал он.

– Не играл уже давно, – ответил Гектор. – Перестал, когда артрит начал доставать. Даже не знаю, смогу ли настроить эту суку.

– Следи за языком, папа! – крикнула из кухни миссис Пэкетт.

Гектор-Цирюльник не обратил на нее никакого внимания – он вообще редко замечал ее, разве что когда просил передать картофельное пюре. Он медленно настраивал гитару, бормоча проклятия, потом взял аккорд, который действительно напоминал музыку.

– Было видно, что гитара еще не настроена, – рассказывал мне потом Кон, – но звучало уже круто.

– Ничего себе! – восхитился Ронни. – Это что за аккорд, дед?

– Ми. Вся эта хрень начинается с ми. Но погоди, я еще не начал. Сейчас посмотрим, помню ли я, куда что совать.

– Язык, папа! – опять послышалось с кухни.

Он снова никак не отреагировал и начал перебирать струны старой гитары, используя жесткий, пожелтевший от никотина ноготь в качестве медиатора. Сначала брэнчал неуверенно, бормоча ругательства, но постепенно поймал устойчивый, урчащий ритм, заставивший ребят изумленно переглянуться. Пальцы старика заскользили по грифу вверх и вниз, сначала неуклюже, потом – с пробуждением синапсов памяти – более гладко: от си к ля, потом к соль и обратно к ми. Эту последовательность я впоследствии играл не меньше сотни тысяч раз, хотя в 1963 году не отличил бы аккорда от фиорда.

Высоким плаксивым голосом, совершенно не похожим на свой обычный (когда он *действительно* говорил), дед Ронни затянул:

– «Почему б не дать мне взглядом окинуть всю тебя... То, что прячешь, крошка, лишает меня сна...»

Миссис Пэкетт вышла из кухни, вытирая руки кухонным полотенцем, с таким видом, будто встретила какую-то экзотическую птицу вроде страуса, разгуливавшую по шоссе номер 9. Билли и маленькая пятилетняя Ронда Пэкетт остановились на середине лестницы, опираясь на перила и не сводя со старика изумленных глаз.

– Этот *ритм*, – делился со мной позже Кон, – был точно не похож на то, что играют на «Хутенэнни».

Гектор-Цирюльник теперь стучал ногой в такт и ухмылялся. Кон сказал, что никогда раньше не видел на лице старика даже подобия улыбки, и это немного пугало, будто тот превратился в какого-то поющего вампира.

– «Мама не дает мне развлекаться всю ночь... Боится, девочки опять... – И протяжно: – Начнут мной помывать».

– Давай, дед! – кричал Ронни, смеясь и хлопая в ладоши.

Гектор начал второй куплет, в котором бубновый валет говорит даме пик, что она может браться за свое *коварное* дело, но тут порвалась струна.

– Ах ты, грязная стерва! – выругался он, и на этом импровизированный концерт Гектора-Цирюльника завершился. Миссис Пэкетт вырвала у него гитару (порванная струна чудом не угодила ей в глаз) и велела ему убираться из дома и сидеть на крыльце, пока он не прекратит так разговаривать.

Гектор-Цирюльник на крыльцо не пошел, но вновь погрузился в привычное молчание. Ребята больше никогда не слышали, как он поет и играет. Гектор умер следующим летом, и богослужение на его похоронах совершал Чарлз Джейкобс, бывший в 1964 году – году «Beatles» – еще в полном порядке.

На следующий день после этой сокращенной версии блюза Артура «Биг-Боя» Крудапа «My Mama Don't Allow Me» Ронни Пэкэтт нашел гитару в одной из бочек на заднем дворе, куда ее запихнула разъяренная мать. Ронни отнес гитару в школу, где учительница английского миссис Калаун, которая также вела уроки музыки, показала ему, как поставить новую струну и настроить гитару, напев три первые ноты сигнала отбоя. Она также снабдила Ронни журналом фолк-музыки «Синг аут!» с текстами песен и аккордами хитов вроде «Barb'ry Allen».

Следующие пару лет (с кратким перерывом на время, когда лыжная палка Судьбы лишила Конни голоса) оба подростка заучивали одну песню за другой, передавая друг другу старую гитару и осваивая те же основные аккорды, что и мотавший срок в тюрьме Ледбелли^[5]. Оба так и не научились толком играть, но у Кона был неплохой голос, пусть и слишком приторный для исполнения блюзов, которые он обожал. Несколько раз они выступали на публике как «Кон и Рон», предварительно бросив монетку, чье имя будет стоять первым.

В конце концов Кон обзавелся собственной акустической гитарой – «Гибсоном» с вишневым отделкой. Она была на порядок лучше древнего «Силвертона» Гектора-Цирюльника, и именно с ней они исполняли такие вещи, как «Seventh Son» и «Sugarland», когда выступали на шоу талантов в «Юрика-грэйндж». Наши родители и родители Ронни их поддерживали, но принцип «мусор на входе – мусор на выходе» срабатывал в мире гитар так же безотказно, как и в мире компьютеров.

Я обращал мало внимания на попытки Кона и Рона стать местными звездами и прославиться как фолк-дуэт, а потому не заметил, когда интерес брата к гитаре стал угасать. После отъезда преподобного Джейкобса из Харлоу на новом старом автомобиле в моей жизни образовалась пустота. Я потерял и Бога, и единственного взрослого друга и довольно долго пребывал в унынии, испытывая смутный страх. Мама и Клэр пытались поднять мне настроение. Такую попытку предпринял даже папа. Я и сам хотел снова стать счастливым, и в конце концов мне это удалось. Но когда 1965 год уступил место 1966-му, а затем и 1967-му, я никак не отреагировал на то, что сверху больше не доносятся звуки скверно исполненных песен вроде «Don't Think Twice».

К тому времени Кон увлекся спортом (в чем преуспел на порядок больше, чем в игре на гитаре), что же касается меня... в городе появилась новая девочка – Астрид Содерберг. У нее были шелковистые светлые волосы, васильковые глаза и маленькие бугорки, обещавшие со временем превратиться в настоящие груди. Не думаю, что в первые годы учебы в школе она меня вообще замечала, если не считать случаев, когда ей надо было списать домашнюю работу. Я же думал о ней постоянно. Мне казалось, что если она позволит дотронуться до своих волос, у меня точно случится сердечный приступ. Однажды я взял с полки справочной литературы в классе словарь Вебстера, принес на свой стол и аккуратно написал печатными буквами «АСТРИД» поверх определения слова «поцелуй». Сердце у меня бешено колотилось, по коже бежали мурашки. «Втрескаться» – хорошее слово для описания той страстной влюбленности, что захлестнула меня с головой, поскольку я чувствовал себя оглушенным.

[Купить полную версию книги](#)

БЫТ. 1.

Μφ. 14.

1 Кор. 13.

Марио Андретти (р. 1940) – американский автогонщик итальянского происхождения, чемпион мира по автогонкам в классе «Формула-1».

Ледбелли (наст. имя Хадди Уильям Ледбеттер, 1888–1949) – американский певец и композитор.